

Владимир Свержин
Марш обреченных

«Владимир Свержин»

1999

Свержин В.

Марш обреченных / В. Свержин — «Владимир Свержин», 1999

Смерть генерала разведки не могла быть случайной – это хорошо понимают спецназовцы и начинают собственную «разборку» с жестоким противником. Беспощадные схватки, бешенные погони и хитроумные сплетения грязной политики приводят героев в отель на Лазурном берегу, где предстоит неизбежная и кровавая развязка. Ведь в заложниках у международных концернов, торгующих оружием, осталась любимая девушка майора спецназа... Сохранена авторская редакция текста.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владимир Свержин

Марш обреченных

«Правда, по большей части, бывает такова, что лучше бы её не знать».

Аллен Даллес. Первый директор ЦРУ

Пролог

– Да выключи ты эту тарихтелку! – это сказал я – Александр Лукин. Или, если хотите, Александр Васильевич Лукин, судя по документам, все ещё майор спецназа ГРУ.

– Ищи дурака! – голосом скверного мальчишки, которому наивный Буратино пытался всучить свой колпачок, отвечал мой собеседник: – А кроме того, это не тарихтелка, как вы изволили выразиться, а совсем даже наоборот – чудо зарубежной техники: видеомагнитофон «Панасоник-сан». Роскошь в нашей стране доступная далеко не всем.

Детинушку, глядевшего на меня наглыми серыми глазами звали Валерий Пластун. И несмотря на то, что эмблема на его застиранной футболке призывала молодежь под стены Стенфордского университета, он был столь же мало похож на студента, сколь и на майора спецназа ФСБ, которым все ещё являлся, опять-таки, судя по документам. Действительно, глядя на поросшую недельной щетиной ехидно ухмыляющуюся рожу моего второго номера, крайне тяжело установить связь между ним и столь почтенной организацией как Федеральная Служба Безопасности. Больше всего он пожалуй походил на предводителя банды рэкетиров из какого-нибудь нынешнего рашен экшен синема. Когда он вот так вот в легенькой футболочке прогуливается по вечерним улицам столицы, наглядно демонстрируя прохожим, чем бицепс отличается от трицепса и всю прочую, должную быть в наличии мускулатуру, постовые милиционеры отворачиваются стыдливо, словно красные девицы, а розничные торговцы подсчитывают в уме процент выручки, подлежащей немедленной отдаче.

Конечно, по объёму мышцы до какого-то там «Мистера Вселенная» он не дотягивает, но доведись бы им встретиться на узкой тропе тайной войны, в хождении по которым мы специализируемся, лежал бы этот вандамыстый мистер без головы раньше, чем успел произнести коронную фразу о надирании задницы. И это не пустая похвала. За те десять, почти одиннадцать лет, которые мы работаем вместе, мне частенько доводилось видеть его в деле.

Так вот, этот незаурядный человек, развалившись на моем диване, царственным жестом воздел вверх руку, сжимающую дистанционку и включил покадровый режим. На экране человек, облаченный в лесной расцветки камуфляж и маску по моде, заимствованной у грабителей банков, медленно-медленно перелетел через полтораметровый каменный забор, также медленно откатился в сторону и открыл огонь из автомата в сторону «вероятного противника».

– Валера, я прошу тебя, выключи! Надоело! Сколько можно!

– Столько, сколько нужно! – размеренно-рекламным голосом отвечал мой друг не отрывая взгляда от экрана. – Не будь занудой. Посмотри, как ты тут хорош. Никакого ж Рэмбо не надо.

К стрелку на экране присоединились ещё два, но на всех противников патронов видимо не хватило и дело дошло до рукопашной. Вскочив на ноги, троица принялась с энтузиазмом исполнять воинские пляски ровным слоем раскладывая противника, снаряженного для удобства съёмок в серо-белые одеяния а ля ОМОН, направо и налево.

Судя по глумливой ухмылке на лице майора Пластуна, увиденное явно забавляло его. Я пожал плечами и пошел на кухню ставить чайник.

Чайник был хороший, как выражался Валера, «вражеский». Кипел за три минуты. Впрочем, это самое «вражеское» безраздельно господствовало на кухне, позволяя человеку вот уже шесть лет вновь по праву носящему титул холостяка, не сдохнуть и не искать сомнительного утешения разбушевавшихся желудочных страстей в коварных услугах общепита.

Бульканье и последовавший за ним щелчок свидетельствовали о том, что кипяток готов к высокому таинству заваривания чая. Чтобы там ни говорили, но использование в этих целях одноразовых пакетиков – «утопленников» – это первобытная дикость и профанация процесса.

– Тебе какой? – крикнул я в комнату, где все ещё продолжались перипетии шоу для настоящих мужчин.

– Дилмах. «Эрл Грей» – четко, по-военному отрапортовал мой друг. – Если конечно, со вчера что-то осталось, – немного подумав, добавил он.

Слава Богу, кое-что ещё осталось. Вчера вечером, точнее уже ночью, Валерка безо всякого предупреждения, что, впрочем, было у него в норме, завалился ко мне, одолеваемый неудержимой мировой скорбью. Всю ночь, почти до самого утра мы сидели на кухне и по лучшей московской традиции гоняли чай, ругали правительство и пускали в потолок кольца табачного дыма.

Радоваться действительно было нечему. Судьба нашего внеструктурного спецподразделения была предрешена. Мы подлежали расформированию. В общем-то, нас уже давно расформировали, да вот беда: пока судили-рядили, пока решали и гадали, куда десятки офицеров – спецов экстра-класса, по всему тому, что зовется тайной войной, девать, заболел президент. А по указу, подписанному некогда покойным Юрием Владимировичем Андроповым, контора наша подчиняется только главе государства лично, и ни кому другому. Но как бы то ни было, главы государств либо умирают, либо выздоравливают. В данном случае, скорее второе. А значит, ничего это в корне не меняет. Так, неделя-другая расслабухи и разгонят нас кого куда. А кого и никуда. За борт. На гражданку.

Поэтому майор Валерий Пластун, отправив домой в Краснодарский край жену и дочь, ввалился ко мне среди ночи, желая в трехсотый раз поведать мне, какие там все суки наверху сидят! Как будто я этого не знал!

Между тем, драка на цветном экране кончилась и один из активных участников, продолжая, подобно мистеру Х, оставаться в маске, предстал перед бойким коренастым корреспондентом с микрофоном наперевес. Сам того не подозревая, этот «цепной пес демократии» был самым сложным и нежелательным препятствием на всем полигоне.

– Саня! – позвал меня развалившийся на диване в позе обкормленного тигра майор ФСБ – Сань! Иди скорее сюда! Сейчас ты умничать будешь!

– Лучше пепельницу убери! Чашки поставить некуда – парировал я поток остроумия своего друга, уводя его в другую сторону. – Остролов!

– Расскажите, пожалуйста, когда и для чего было создано ваше спецподразделение? – вещал журналист, заморожено глядя на крутого парня в маске.

– В начале восьмидесятых годов, в рамках соглашения с Интерполом, для борьбы с международным терроризмом.

– Вам приходилось принимать участие в подобных акциях? – с замиранием в голосе вопрошал труженик микрофона, внутренне готовя место на своих кудрях для лавров охотника за эксклюзивом.

– Мы были задействованы в ряде операций, – уклончиво ответил замаскированный.

– А нельзя ли более подробно...

– Нет.

Корреспондент недобро посмотрел на свою жертву. На экране этого было не видно, но я помнил его голодный взгляд.

– Хорошо, я понимаю, военная тайна. Тогда ответьте, пожалуйста. Существует множество различных спецподразделений. У нас, скажем, ОМОН, различные спецназы, за рубежом – антитеррористические команды типа «Дельты», SAS, «Кобры» – демонстрируя осведомленность, продолжал он. – в чем специфика именно вашей части?

– В том, что они есть, а нас как бы уже нет, – дискутируя с экраном, мрачно заметил Пластун.

– Каждое спецподразделение формировалось для выполнения свойственных ему задач. Глупо посылать ОМОН освобождать захваченный самолет с заложниками. Не менее глупо было бросать нас на захват Белого дома.

– Высказался! – хмыкнул Валера. – Нашел кому!

А экранный я продолжал голосом заботливого воспитателя школы для умственно отсталых:

– Здесь действует принцип ступенчатости. В зависимости от сложности и вида задач, их должны решать специалисты высокого уровня именно в этой области. Здесь, пожалуй, как в медицине.

– И на какой из этих ступеней находитесь вы?

– На высокой, очень высокой. . .

– Ну, дальше не интересно – мой друг нажал кнопку на пульте, выключая звук.

– Слушай, Сань, вот ты, человек с двумя верхними образованиями, ответь мне, как военный и как историк, какого рожна в поте лица создавать секретные службы, а потом сдавать их вот таким вот ретивым борзописцам ни за хрен собачий?

– Он не борзописец, – отпивая чай, медленно произнес я. – Он борзосъемщик. Но это не важно. Искать же логику в действиях, исходящих оттуда. . . – Мой палец устремился к потолку – . . . есть действие похвальное, но бесполезное. Ибо любой, явленный нашим взорам результат есть сумма разнонаправленных, зачастую взаимоисключающих действий. А потому, как обычно получается, создают одни, а сдают другие. И вообще, как говаривал некогда наш замполит курса, «такова основополагающая структура момента». Меня больше интересует другое: каким образом вообще кому-то из пишущей братии стало известно о нашем существовании?

– Вопрос, конечно, интересный, – протянул Пластун, имитируя манеру речи популярного в недавнем прошлом политического лидера. – Давайте говорить серьезно, по деловому. Это называется утечка информации.

– Спасибо, подсказал! – вяло усмехнулся я. Я то все никак не мог понять, что же это такое?

– А чего тут удивляться? Вон Кирпичников интервью газете дает. Шебаршин – тот вообще книги пишет. Гласность, знаете ли.

Похоже, сегодня Валера был не настроен на серьезный разговор. Ему было тоскливо и явно хотелось чего-то большого и светлого. То ли мордобоя, то ли селедки с хреном. Вопрос же, действительно, был крайне серьезный. Деятельность, да и само существование нашей конторы было покрыто таким густым туманом секретности, что пробиться сквозь него можно было только имея очень хороший маяк. Кто из людей сведущих мог стать таким «светилом»?

Видя мою задумчивость, Пластун пожал плечами и, сняв со стены гитару, забренчал:

Ехал чижик на лодочке
В адмиральском чине.
Не выпить ли водочки
По этой причине?

– Сань, а Сань. . . – вяло окликнул он меня после блестящего исполнения незатейливого куплета. – Не делай такое лицо. Не то я могу подумать, что тебе в голову пришла мысль. Какая,

в общем-то, теперь разница, кто нас сдал? Это большой политик и как сказал один умный мужик, то, что происходит, есть непреднамеренный результат преднамеренных действий великих людей.

– Что, так и сказал? – Я поднял глаза на своего друга. Когда у него отпадала охота корчить из себя этакого простодушного рубаху-парня, становилось заметно, что проведенные им в МГУ годы прошли отнюдь не только в спортзале.

– Так и сказал. Все это деяния давно минувших дней. Нас расформируют. И сие – горький факт. Мировой терроризм, о котором ты так пламенно распинался, очевидно, задавлен в собственном логове. Где там у него нынче логово?

– Валера, не ерничай! Без того тошно.

– А я не ерничаю. Я стараюсь при плохой игре иметь хорошую мину. Желательно – не одну. И вам, любезнейший Александр Васильевич, того же желаю. Чем вот вы, милостивый государь, собираетесь занять остаток своей жизни, свободный от служения Отечеству?

Я пожал плечами. Перспектив было довольно много. Можно было, скажем, пойти на работу в Службу Внешней Разведки, можно было вообще плюнуть на все и принять батальон спецназа, но было во всех этих решениях что-то такое, что заставляло медлить с окончательным ответом. Был ещё вариант попробовать зацепиться за что-нибудь в мирной жизни. Впрочем, и этот вариант был не менее туманен, чем другие.

– Для начала вернусь в Питер. Родных уже Бог весть сколько не видел.

Телефон, видимо, утомленный нашей светской болтовней, возмущенно зазвонил, словно подводя итог нашему кухонному брифингу.

Пластун ленивым жестом поднял трубку и поднес её к уху.

– Алле... Вас внимательно слушают.

Лицо его моментально посерьезнело.

– Да. Дома. Сейчас! – он прикрыл ладонью микрофон. – Славка Бирюков звонит. В контору вызывают.

Я взял трубку. Капитан Вячеслав Бирюков был аналитиком нашей группы и большую часть времени проводил, что называется «в стенах». Поэтому его часто использовали, когда нужно было срочно вызвать на ковер. Судя по тону, вызов был отнюдь не праздным. Впрочем, с праздными вызовами здесь тяжело. Не те люди.

– Саша, – поздоровавшись, начал Слава, – хорошо, что ты дома. Приезжайте. Дядя серьезно болен. Да, вот ещё что. Он просил по дороге купить ему свежую прессу.

– Мне одному приезжать, или...

– Или.

– Ладно, сейчас будем.

Я положил трубку. Произошло ЧП. Настолько крупное, что о нем уже пропечатано в газетах. При этом ЧП, относящееся непосредственно к нам. От раздумий о прелестях мирной жизни не осталось и следа. Я вновь почувствовал то возбуждение, которое возникало каждый раз перед столкновением с опасностью. «Это будет славная охота. Хотя для многих она станет последней», – крутились у меня в голове слова старого волка Акелы.

– Что произошло? – спросил меня Валера, едва я закончил переговоры. В нем уже и следа не осталось от разбойного атамана. Майор Валерий Пластун был готов к работе.

– Приедем – узнаем. Велено по дороге купить газеты.

– Даже так? Опять наши что-то прошляпили? Ладно. Я пошел заводить таратайку, а ты обзаведись прессой.

Лифт не работал. Впрочем, это было не важно. На спор я развлекался, обгоняя лифт, спускающийся с двенадцатого этажа. Добежать до газетного киоска – ещё две минуты. «Пожалуйста, вот эту, эту и вот эту. Спасибо».

Киоскерша ласковым взглядом проводила мужчину, купившего у неё аж три газеты и пожелала мне приходить еще. «Да, да. Несомненно», – Как-то невпопад кивнул я, разворачивая на ходу остро пахнувшие типографской краской листы.

Красный «BMW-520» притормозил у самой бровки тротуара. Валера распахнул дверь.

– Ну, что пишут?

– На вот, посмотри. – Я протянул ему «Красную Звезду» и медленно опустился на сидение. Фотография пожилого мужчины со звездой Героя Советского Союза и несколькими рядами орденских планок на груди, обведенная черной траурной рамкой объясняла все. Помещенный рядом с ней текст как всегда с официальной безликостью сообщил, что «На 74 году жизни скоропостижно скончался генерал-майор в отставке Рыбаков Николай Михайлович. Друзья, родные и коллеги...»

Майор Пластун выжал железку до пола. Мотор взревел, и «BMW», не обращая внимания на испуганно мигнувший красный глаз светофора, рванул с места куда-то в сторону Садового Кольца.

Глава 1

Сегодня, пожалуй, нет никакой возможности установить, отчего этот переулок в самом центре Москвы получил негласное название «Фарисеевский» – судя по табличкам, вносившим свой вклад в украшение фасадов его домов, фамилию он имел совсем другую. Однако в обиходной речи сотрудников учреждения, занимавшего старый особняк с садом в самом конце переулочка, недалеко от набережной, этот тихий участок вечно шумной столицы назывался именно так. Вероятно, название переулочка было унаследовано новыми хозяевами здания вместе со всеми апартаментами и тенистым садом, который, несмотря на перипетии судьбы, сохранивший до сих пор изрядную долю бывшего великолепия.

Лет пятнадцать тому назад на высокой каменной ограде, с середины тридцатых скрывавшей особняк от нескромных взглядов досужих прохожих, возле таблички угрожающего содержания, утверждавшей, что находящийся за забором дом является памятником архитектуры середины девятнадцатого века, а потому во всю мочь охраняется государством, появилась ещё одна, гораздо более нейтрального содержания. Хотя, если говорить совсем уж точно, табличка была не одна. Ее было половина. «Межрегиональный центр усовершенствования...» – гласила надпись на ней. Как и глиняные таблички, извлекаемые археологами из древнеегипетских руин, эта имела в основном чисто культурную ценность. Понять, об усовершенствовании чего идет речь, было абсолютно невозможно. Ибо нижняя часть текста была утеряна безвозвратно.

Впрочем, старожилы, с большим трудом припоминавшие момент очередной смены хозяев барской усадьбы, иногда выдвигали версию о том, что полностью названия никогда и не было. При всей кажущейся нелепости этого предположения, они оказались правы. Странная контора, обитавшая за высоким каменным забором, носила именно такое странное название. Однако, доведись кому-то из непосвященных проникнуть за те семь замков и семь печатей, которые лежали на деятельности этого самого Центра, он бы имел полную возможность убедиться, что название – это лишь шутка, детская шалость в сравнении с той напряженнейшей работой, которая велась за безликими стенами. Здесь устраивались военные и дворцовые перевороты, уводились в отставку правительства, гасились звезды на политическом небосклоне и зажигались новые. Словом, отсюда, с этого места в самые отдаленные уголки планеты неслась советская миролюбивая политика, в наиболее доходчивой, убедительной и в то же время незаметной для постороннего взгляда форме.

Впрочем, о том, чтобы человеку с улицы, а даже и не с улицы, а скажем, со Старой Площади, попасть в здешние недра не могло быть и речи. Чужих тут не было. К счастью для себя, окрестные жители, как истинные москвичи, выросшие в центре столицы, с молодых ногтей усвоили железное правило: «Меньше знаешь – крепче спишь».

Конечно, революционное преобразование, внесшее в умы народных масс страшную метель и сумятицу, изрядно поубавило работы у сотрудников Центра, ибо нет ничего более неблагоприятного, чем отстаивать интересы государства, которое само не знает, чего оно хочет. А уж когда и знает, то это, простите, работа не для разведчика-диверсанта, а для сутенера.

Мы же, лавирующие на скорости, близкой к ста, к таковым не относимся. Интересно мне знать, о чем думают гаишники, глядя на наш «BMW»? Скорее всего, у них уже выработалось такое седьмое чувство, рефлекс: кого стоит останавливать, а кого нет. Впрочем, Валера – виртуоз. Это видно невооруженным взглядом. Ну, вот и наш поворот. Вот и железные ворота. Так сказать, дом родной. Нетерпеливый гудок. Понятное дело – нас звали, мы торопимся. Интересно, сколько электронных глаз изучает сейчас наш автомобиль. Ну вот, признали. Свой! Теперь въезжай. Только не торопись. Проехал ворота, стоп! Дальше на колесах дороги нет. Выйди, предъяви в развернутом виде, то, что предъявить положено, собачке дай себя обню-

хоть. Все в порядке? Отлично. Первый рубеж позади. Ступайте, товарищ, с Богом! О машине своей не беспокойтесь. О ней позаботятся.

Мраморные львы на парапете возле парадной лестницы – старые конспираторы. Они бесповоротно отвратили свои взоры от входящих и шуряются себе на солнцепеке, как ни в чем не бывало. В случае чего, они никого не знают. Разумная предосторожность.

Теперь по лестнице вверх. Направо. Еще раз направо. Вот она, вот она заветная дверь! Кабинет шеф-повара нашей адской кухни – полковника Виктора Федоровича Талалая. Все наши уже в сборе. Настроение мрачное, но вполне боевое. Странное чувство. Вроде бы и нечего в атаку-то рваться, а все равно не покидает ожидание или, может быть, предчувствие близкой схватки. Посмотрим, посмотрим. Как любит выражаться наш любимый шеф: «Информация и интуиция – две руки одного разведчика».

Тук-тук-тук! Сезам, отворись! Это уж не извольте сомневаться. Вот он – отец-настоятель нашего тихого аббатства – полковник Талалай Виктор Федорович по прозвищу «Африканец». Это за Мозамбик, Анголу и Египет. А так, с ходу даже и не вспомнишь той точки земного шара, в которой не побывал указующий перст самой первой в мире страны рабочих и крестьян, в лице её передового отряда, то есть нас, сотрудников спецслужб, и где бы не ступала нога этого человека.

– Ну что, мушкетеры, все в сборе, – лицо шефа обрело мемориальную суровость. Его портрет вообще заставляет задуматься о правильности своих намерений, каковы бы они не были, а сегодня он по-особому суров. Он смотрит на нас как Родина-Мать с небезызвестного плаката, и мы уже согласны отозваться на его молчаливый призыв. Мы – это «мушкетеры». Так нашу оперативную группу негласно окрестили в стенах центра. Видит бог, без нашего участия. Валеру Пластуна, понятное дело, сразу определили в Портосы, Слава Бирюков, наш аналитик, зампотех и многое другое – стал Арамисом. Он действительно на него смахивает. Элегантный молодой человек с томными глазами и щегольскими усиками; поэт и драматург – в свободное от работы время. Знал бы кто из господ артистов, среди которых он уже давно стал своим человеком, как и над какими трагедиями работает этот подающий надежды почитатель Шекспира!

В д'Артаньяны наши острословы произвели третьего номера нашей группы – капитана Насурутдинова. Такой себе получился гасконец степного разлива. Ну уж по наглости, которая, как известно второе счастье, баш на баш, кто бы кого переспорил. Да что говорить! Висит у Тагира Асланбековича над диваном у изголовья дивной работы клыч¹. Не новодел какой-нибудь. Настоящий хорсан². И вьется по клинку золотая надпись: «Термезскому Барсу от Панджшерского Льва»³. Дорогой подарок. Нет выше ордена, чем почтение врага.

Я соответственно – Атос. Отчасти из-за того, что нужен был в команде Атос, раз уж остальные налицо. Отчасти из-за дворянского моего происхождения. С этими не пролетарскими моими корнями промашечка как-то чуть было не вышла.

Когда Николай Михайлович Рыбаков, тогда ещё полковник КГБ, вчерашний нелегал и один из первых персон в ПГУ⁴ прибыл в небольшой городок под Ленинградом и вызвал в кабинет начальника штаба батальона на собеседование молодого лейтенанта Лукина, молодой лейтенант Лукин, естественно удивился. Как ни крути, а все-таки конкуренты. Спецназ – это епархия Главного Разведывательного Управления Генштаба, и КГБ тут ни при чем. Однако, судя по тому, как тянулся перед ним наш начштаб, полномочия этого человека далеко выходили за рамки его конторы.

¹ Клыч – восточная сабля.

² Хорсан – вид дамасской стали.

³ Панджшерский лев – Ахмад Шах Масуд – один из полководцев афг. моджахедов.

⁴ ПГУ – Первое Главное Управление КГБ – внешняя разведка.

Как бы то ни было, на четко поставленные вопросы я давал не менее четкие ответы. Пока дело не дошло до этого самого социального положения. На его вопрос я заученно брякнул: «Из военнослужащих». Он хитро посмотрел на меня, покачал головой и говорит: «Вам, Александр Васильевич, происхождением своим гордиться надо, а вы его прячете. Отца вашего небось, в честь того самого капитана Лукина назвали, что в прошлом веке англичан застрашал?» Что ж, было дело, застрашал. Отучил местных боксеров лезть в драку с российскими моряками.

Но только и я не солгал. Мы, Лукины, сколь род свой ведем, – военнослужащие. И деды, и прадеды, и деды прапрадедов. Прабабка моя, Анна Казимировна, урожденная княжна Святополк-Четвертинская, выпускница Смольного института благородных девиц, пережив блокаду, ордена предков наших, которые в семье полтора века хранились, на строительство крейсера передала. Оставила одни «Георгии»⁵. Тридцать две штуки. Вот так-то. Военнослужащие мы и есть. А точнее, солдаты. Воины.

Поговорили мы тогда с Николаем Михайловичем полчаса, а потом он меня и ошаршил, сообщив, что переводит меня вновь за школьную парту. В 101-ю разведшколу. На все про все – дела сдать и к новому месту службы прибыть – у меня десять дней. А дальше, как говориться, лапу к уху: «Разрешите выполнять».

И вот мы здесь, и начальство глядит на нас, словно шестидюймовка «Авроры» на Зимний дворец, и что-то в этом взгляде такое, что безо всяких вопросов ясно: большая будет охота, очень большая.

– Читали? – Виктор Федорович похлопывает ладонью по столешнице. Подобным образом тигр бьет хвостом, сигнализируя о страстном желании загрызть своего оппонента.

– Так точно, товарищ полковник.

– Отставить чины, – рычит он. Не на нас рычит. Просто состояние такое.

– Инфаркт? – негромко выдвигает версию наш Арамис. Инфаркт и язва – неразлучные спутники разведчика, а уж тем более такого. Полвека тайной службы – не фунт изюма. Шеф молча открывает ящик стола и словно карты в пасьянсе выкладывает на стол несколько фотографий.

Да. Это не инфаркт. Это пулевое ранение в голову, приведшее к летальному исходу. Хорошие фотографии, четкие. Все видно. Характерный ожог, порошинки. Выстрел произведен с близкого расстояния, почти в упор. Самоубийство? Быть того не может, потому что не может быть никогда. Не тот человек Николай Михайлович, чтобы стреляться. Если бы мне сказали, что найден бивень одного из слонов, на котором мир держится – скорее бы поверил. Бред какой-то.

Виктор Федорович кладет перед нами два листика, сколотые скрепкой. Копия заключения судмедэксперта. Все четко аргументировано, но ситуацию в общем не проясняет. Хотя... Я ещё раз вчитываюсь в строки, потом смотрю на товарищей. Они увлечены чтением. Интересно, заметят или нет? Заметили. В глазах удивление.

Выстрел произведен из револьвера системы «Наган» выпуска 1928 г. Оружие сильно изношенное. Имеет следы недавнего ремонта. Абсурд! Ну да ладно... Послушаем, что скажет начальство.

– Смерть наступила между одиннадцатью тридцатью и одиннадцатью тридцатью пятью. Соседка поднималась по лестнице, услышала выстрел. Дом, сами знаете, ведомственный, понятное дело, народ бдительный. Бегом бросилась вниз на вахту, вызвала милицию. А через пять минут как раз супруга Николая Михайловича с рынка вернулась, позвонила Одинцову в генпрокуратуру.

– В самоубийство не поверила? – это Славка Бирюков. Всю томность с него как душем смыло. Он уже на тропе войны. Бортовой его компьютер защелкал с невероятной скоростью.

⁵ Орден «Крест св. Георгия» – вручался за личное мужество.

Командир отрицательно качает головой:

– Не поверила.

Оно и понятно. Столько лет с человеком проживешь, и захочешь – не поверишь.

– Одинцов прислал одного из своих парней. Судя по всему, молодого да хваткого. Он тоже во всю эту белиберду не поверил. Но, когда он приехал, народу там уже было – не повернутся. Милиция, понятые, представители ФСБ, словом, вавилонское столпотворение. Братья по классу, естественно настояли, чтобы сор из избы не выносить. Генералам, даже отставным, стреляться не положено.

– А... – начинает было наш Арамис.

– И подавно, – читает его мысли «отец-настоятель». – Версию убийства рекомендовано не рассматривать.

– Даже так? – удивляюсь я.

– Но генпрокуратура... – продолжает обрабатывать информацию капитан Бирюков.

– Процессуально-независима, – кивает головой шеф. – В том то все и дело. – Он поднимает вверх указательный палец, тыча куда-то в потолок. – Крайне настоятельно не рекомендовано.

Такие вот дела. Что-то странное твориться на обломках самовластья. Среди бела дня убивают великих людей и утверждают, что так оно и было.

– В общем так! – Виктор Федорович хлопает ладонью об стол, расплющивая затянувшуюся дискуссию до состояния финальной точки. – Я принял решение заняться этим делом лично. Все вы отлично понимаете, что действия, связанные с расследованием, могут быть противозаконными. Вы имеете полное право отказаться, – он внимательно смотрит на каждого из нас.

– Закон по нашей улице не ходит, – куда-то в потолок произносит майор Пластун. Есть такая поговорка в здешней курилке. Пижонство, конечно, но есть.

– Вот и отлично. Итак, господа офицеры, ставлю боевую задачу. Похороны состоятся в тринадцать ноль-ноль по московскому времени на Хованском кладбище...

– Хованское кладбище! Это ж у черта на куличках.

– Просто аж обидно. Такой человек и вдруг...

– В церемонии принимают участие только официальные лица и родственники. Вот план кладбища, – он раскладывает перед нами карту последнего приюта детей человеческих – местности, на которой предстояло разворачиваться боевым действиям против неизвестного нам, пока противника. – Вот ваш сектор работы. Кроме вас здесь, здесь и здесь действуют группы майоров Варецкого, Хворостина и Корниенко, – палец полковника Талалая скользит по карте, деля её на сектора. – В резерве группа Мамаева. Общее руководство – подполковник Логинов. Вы должны проконтролировать обстановку вокруг похорон, в случае выявления наблюдателей или боевиков, установить принадлежность. В случае сопротивления разрешено локализовать. В остальном – действуйте по обстоятельствам. Связь – как обычно. В вашем распоряжении два оперативных автомобиля и, естественно, спецсредства. Первый автомобиль: «Жигули» цвета сафари...

Валера радостно закивал головой. Эту машину он знал отлично. Впрочем, я тоже.

... – Второй, – шеф кивнул на Тагира.

– Понятно, командир, – коротко кивнул Барс. Значит в прикрытии у нас серый «Опель-кадет». Тоже не плохо.

– «Жигули» уже стоят у входа на новое кладбище. – Виктор Федорович жестом фокусника извлек откуда-то ключи и кинул их Валере. – На, держи. Переоденьтесь. Снарядитесь. И вперед! С Богом!

– Разрешите идти?

– Идите. Да, после похорон займитесь-ка этим следователем. Он, похоже, толковый парень.

* * *

За работу, господа мушкетеры, за работу. Похоже, кто-то всерьез собрался устроить нам веселую жизнь. Ну что ж, в эту игру можно играть вдвоем. Беда стране, в которой покрывают убийства и уж совсем хана, когда покрывают убийство разведчика. Мы – люди изначально обреченные. Наша жизнь принесена в жертву интересам государства, каковы бы эти интересы не были. Никто не может упрекнуть нас в том, что мы не соблюдали их. Нас предали те, ради кого мы рисковали всем. Имеем ли мы право защищать себя? Мы полагаем, что да. Если закон считает по-иному – тем хуже для закона!

Вот и наш отсек. Встречая нас, оглушительно верещит мангуст Раджив VI. Талисман нашей группы. Первый из династии наших мангустов был получен в дар от одноименного руководителя Индии. Так сказать с намеком. Работа у нас та же, что и у этого зверька. Нет у нас ни противоядия, ни брони, и не дай нам Бог попасться. Никто не прикроет нашу задницу, случись нам всплыть ею вверх. Такова специфика нашей работы. Не зевай, на то ярмарка!

Нас готовили для работы за рубежом. Для работы жесткой и грязной. Решать щекотливые вопросы нашей политики любыми подходящими методами, не интересуясь мнением по этому поводу у местной власти. Но где теперь граница? И кто теперь мы? А раз так, значит пора на кладбище, чтобы начать свой путь там, где он заканчивается. Как говорят братья-англичане: «Король умер! Да здравствует король!» Заводи мотор, Термезский Барс! Курс – на Хованское кладбище!

Велика ты, Москва златоглавая. Миллион твоих машин забивает кровеносные сосуды – улицы и вид у тебя от этого не то чтобы болезненный, но странный. Мешанина теремов купеческих, штампованных новостроек и модерновых казино и шопов. Выйдешь на Красную площадь, взглянешь на бутафорские укрепления Кремля, на развеселый храм Василия Блаженного, гордо вздымающий чесночные головки куполов своих над Лобным местом и всплывает в памяти: «Москва, как много в этом звуке...» Отъедешь чуть от памятника Пушкина на площади Макдоналдса, и поди разбери, в какие дебри вас, сударь занесло. Велика, велика Москва. И все флаги в гости, и столпотворение вавилонское. А для генерала нашего, боевого и заслуженного, места не нашлось. Как жил в тени, так и в земле теперь лежать за городской чертой, у черта на куличках.

Коротка память народная, ох, коротка. Узнай кто из мирных обитателей московских, где упокоится прах генерала Рыбакова, пожмет плечами: «А в чем, собственно говоря, дело? А вы бы где хотели?» Уж и не знаю, где. Не в кремлевской стене, конечно. Испокон века в крепостные стены воров и душегубов замуровывали. Место должно быть особое. В Донском монастыре, скажем. Мемориал разведчиков, что ли. Ан нет, шутишь, не будет. К чему нам такие нежности? И разведчиков то у нас: Зорге, Абель, Штирлиц и Йохан Вайс.

Шуршит по разогретому московскому асфальту «Опель» капитана Насурутдинова. Хорошо идет. Незаметно. При обгоне корректен, на скорость не давит, на знаки и светофоры внимание обращает. Неотличим от тысяч других «Опелей». Никакого гусарства. Все по правилам. Мы уже на боевом посту. Светиться права не имеем. Кроме нас, в операции ещё четыре оперативные группы участвуют. Засветился – все! Туши свет, бросай гранату. Накрылось дело. Противник о нашем присутствии только тогда узнать должен, тогда все сделано будет и ничего уже не изменишь. Как ни тужься и щеки не надувай. А до того – исчезни, затаись. Хочешь – деревом прикинься, желаешь – надгробной доской, лишь бы не расконспирировали тебя, орла залетного.

Глава 2

Вот оно, кладбище. Раскинулось – краю не видно. Старая часть, крематорий. Вот и наш «жигуль». Удачно стоит. Рви с места сотню. От заводской модели только кузов остался – зверь машина. А вот и то, что мы ищем. Стоянка. Машин-то, машин сколько. Такое впечатление, что изрядная часть народа, здесь похороненного, своим ходом добиралась. А если серьезно, трудненько будет из собравшегося тут скорбящего люда наших ненаглядных и на все века единственных вычислить. Особенно конечно, весело, если никаких соглядатаев и не окажется вовсе. Тогда весь наш парад глупее глупого выглядеть будет. Впрочем, выглядеть он не будет. Кроме нас о нем никому не известно, да и не может такого стать, чтобы господ филеры не объявились. Отец-командир попусту напрягаться не станет. На подобные шутки у него верхнее чутье. И уж, если, пройдя Крым и рым, он до сих пор жив, значит есть все основания на это чутье полагаться. Да и рассудить здраво: быть по-другому не может. Кому могло в голову прийти убить нашего генерала? Да ещё и маскарад такой устроить. Во всяком случае, стрельба эта не криминальная. Тамошние стрелки то ли боевиков американских насмотрелись, то ли с оружием толком обращаться не умеют, но на каждый удачный выстрел у них полчаса пустого грохота.

Нет, здесь работал профи. Проведено все четко. С ходу и не подкопаешься. Единственное что: не был знаком киллер с Николаем Михайловичем, вот и прокололся. Но об этом мы со следователем побеседуем. Там парни хваткие работают. Когда работают. Нас сейчас больше интересует мотив убийства. А он здесь, как ни крути, один единственный: «Он слишком много знал!» Это-то ясно. Но вот о чем? Вот это как раз и не понятно. Это-то и предстоит выяснить. Но если дело связано с производственной темой, значит вполне резонно ждать дальнейших сюрпризов. Вот мы их и ждем.

...Памятники, надгробия, кресты. Имя и даты. Год рождения, год смерти. Между ними короткое тире. Между ними вся жизнь. У Николая Михайловича Рыбакова в этом промежутке поместилось очень многое. На две жизни хватит. А то и на три. Стариновская школа. Десантирование за линию фронта в тыл немцев. А дальше – кузница советских разведкадров – Военный институт иностранных языков и оперативная работа. Европа, Америка, Китай, Ближний Восток, снова Америка и, наконец мы – «Центр усовершенствования»... С одним из эпизодов этой бурной биографии связан вчерашний выстрел. Судя по тому, что дело поспешили прикрыть, копать надо где-то поблизости. А где именно, даст Бог, сегодня к вечеру узнаем. Не может быть, чтобы наши неизвестные оппоненты всерьез рассчитывали на версию самоубийства. А если бы даже и поверили, не начали доискиваться, отчего да почему. Здесь потребность искать ответы на внезапно возникающие вопросы не то что на уровне рефлексов – в кровь она уже вошла и плоть. А значит должны господ хорошие поинтересоваться, с кем им дело иметь придется. Придут. Обязательно придут.

За работу. Тихо рассредоточились. Дистанция прямой видимости. Вот эта старая могила, пожалуй, будет отличным наблюдательным пунктом.

«Бродовников Павел Дмитриевич 3 марта 1913 – 20 ноября 1990. Покойся с миром», – гласит надпись на каменной плите. Кто ты был, Павел Дмитриевич? Ведать не ведаю. Одно мне доподлинно известно, не занимался никто этой могилкой уже года три. Может и больше. Ничего. Сейчас подправим. Оградку подкрасим, травку вырвем. Все честь по чести. Краску, кисти и весь прочий камуфляжный инвентарь у Михалыча достанем. Есть тут такой похоронных дел мастер. Довелось как-то пересечься. Милейшей души человек, если конечно подходы знать...

Пора посмотреть, что тут у нас на флангах делается. Понятно. Полный порядок. Валера к бабуле какой-то прибил. Ни дать ни взять – любящий сын. Помощничек. А где наш Арамис?

Вот и он. Шурует по центральной дорожке. С позволения сказать милицейский патруль. Два сержанта – капитан Бирюков и старлей Калина из группы Хворостецкого. Значит, граница на замке.

- Мангуст третий вызывает Мангуста первого, – подает голос Тагир. – Прием.
- Слушаю тебя, Третий, – бормочу я, меланхолично продолжая выщипывать травку.
- Готовность номер один. Наши прибыли.
- Спасибо, понял. Что-нибудь еще?
- Пока нет. Отбой связи!
- Отбой.

Продолжаем заниматься своим делом. Не интересуют нас ни траурная процессия, ни речи похоронные. Своих забот полон рот. Прости, Николай Михайлович. Мы ещё придем бросить свою горсть земли. Мы не забыли тебя, просто сейчас мы работаем. Как ты и учил.

– Мангуст первый, я – Мангуст четвертый, – украдкой бросаю взгляд на Славку. Идут два ППС-ника⁶, между собой о чем-то беседуют. Радиостанция на груди бормочет, демократизаторы на боку раскачиваются. Мирный пейзаж.

– ... Вижу объект. Мужчина лет двадцати пяти. Рост – выше среднего. Брюнет. Джинсы. Синяя спортивная куртка «Адидас». На плече черная сумка на ремне. Пошел на второй круг. Похож на оператора. На ходу старается выбрать наиболее удобные ракурсы. Обратит внимание.

- Понял тебя, Мангуст четвертый. Ищи группу прикрытия.

Вот и славно. Появился первый голубь сизокрылый. Хрен ты отсюда улетишь, долгожданный наш. Ходи, ходи. Снимай. Посмотрим, чего ты наснимаешь.

- Мангуст первый вызывает Орла. Прием.
- Слышу тебя, Мангуст первый.
- В квадрате «А» обнаружен наблюдатель. Прошу добро на начало операции по захвату.
- Действуйте.

Простите, Павел Дмитриевич. Не успею я видно докрасить вашу ограду. Церемония похорон окончена. Провожающие начинают покидать кладбище. Нам тоже пора. Вот и наш кинематографист потянулся к выходу. Прикрытия не видно. Очевидно, ждет в машине за воротами. Неосторожно, ну, да это не наши проблемы.

– Мангуст второй – Захват! Мангуст третий, Мангуст четвертый – прикрытия. Доложить готовность!

- Мангуст второй – готов.
- Мангуст третий – готов.
- Мангуст четвертый – готов.

Великолепно. Поехали.

Майор Пластун оказывается позади молодого человека в синей адидасовской куртке, примерно в метре от него. В руках у него пачка «Кэмел». Он достает сигару, подносит к ней зажигалку...

Мужчина впереди останавливается и начинает падать. Что ж, кладбище – штука печальная. Поплохело мужику. Бывает. Вот и люди добрые (это мы-то!) подскочили. Не дали упасть. Подхватили под руки. В машину усадили.

Спроси кто, как дело было? Так и расскажут. Своими глазами видели. Ну, глаза человеческие – вещь хорошая, одна беда – обмануть их проще простого. Поди, разгляди со стороны, что в сигарете «Кэмел», с виду самой что ни на есть обыкновенной, внутри трубочка, а в трубочке, совсем как в старой сказке, иголочка, а на конце иглы, в оперативном лексиконе нося-

⁶ ППС – патрульно-постовая служба.

щей прозвище «верблужьей колючкой» как и полагается – смерть. В нашем случае, правда – обморок. Но это в данном случае.

Наша самозваная «скорая помощь» срывается с места и выскакивает на дорогу. А вот и конкуренты! Белый «Ауди» пытается повиснуть у нас на хвосте. Пара спортивных ребят в салоне. На лицах смесь недоумения и испуга. Впрочем, может, мне это только показалось. Поехали, мальчишки, покатаемся. Визг тормозов, звон разбитого стекла... Ну вот и приехали. Тагир Насурутдинов на своем «Опеле» пошел на таран. Водила выскочил. Бедняга весь на нервах. С кулаками бросился. Ну вот! Зря это он! Нас в Центре ведению боя не учат. Учат его пресечению. Быстро и однозначно. Не оставляя шансов противнику.

Вот и наша доблестная милиция подросла. В жизни бы она так попевала, а не только в нашем спектакле.

Бросаю взгляд на нашего подопечного: никаких признаков жизни. Ничего, скоро тебе полегчает. До лазарета недалеко.

Забавное место, этот наш лазарет. Очень забавное. Для любителей черного юмора. В те времена укромные, когда вожди нашей отчизны по зрелому разумению отказались от практики бить своих политических оппонентов альпенштоком по голове, возникла необходимость в методах, так сказать, более изящных и «интеллигентных».

Посоветовавшись в своей лубяной избушке, магистры плаща и кинжала взяли курс на сближение прикладных разделов науки и государственной безопасности. И, как это всегда бывало в подобных случаях, результаты не заставили себя долго ждать. Обдышался цианидами Степан Бандера, получил свой «укол зонтиком» болгарский ведущий Би-Би-Си Марков... Но это только те, по поводу кого бушевала «продажная западная пресса» и водили хороводы толпы «всяческих отщепенцев». А сколько было акций, прошедших вполне успешно? Вы не знаете. И правильно. Иначе бы историю нашего столетия в очередной раз бы пришлось изрядно перекраивать. Так вот, когда достойные наследники Рене Флорентийца⁷, совершая подвиги трудового героизма на своем рабочем месте, стали давать вполне ощутимые результаты в борьбе с «врагами дела мирового пролетариата», словно грибы после дождя стали появляться различные лаборатории и исследовательские центры, специализирующиеся на подобной смертоубийственной технике. Понятное дело, что располагались эти научные заведения вдали от лишних глаз, там, где никто и ничто не могло бы помешать напряженной умственной работе этих поставщиков дьявола.

Временно оставшись не у дел после разразившегося скандала с перебежчиком Сталинским и судом над генералами Судоплатовым и Эйтинганом, ученые мужи тем не менее продолжали свои исследования под опекой Лубянки. Ну, конечно же, просто так, от безделья...

Безобразию этому положил конец светлой памяти Юрий Владимирович Андропов. Передавая в руки генерала Рыбакова подписанные документы на организацию нашей смешной конторы, он напутствовал его: «Помни, им не должно быть равных». Надо сказать, Николай Михайлович на пожелал усилий на то, чтобы сполна оправдать высокое доверие начальства.

Вместе с бумагами, дающими добро на наше существование, Центр получил ряд движимого и недвижимого имущества, призванного служить повышению нашей боевой мощи. Среди прочей недвижимости был и этот «лазарет» со всем его обслуживающим персоналом и оборудованием.

Не знаю, давали ли сотрудники этой лечебницы клятву Гиппократу, если да, то они были клятвoprеступники. Вся их деятельность была посвящена доказательству одного в сущности банального тезиса: «Человеческий организм – вещь чрезвычайно хрупкая, и на каждого Рэмбо всегда найдется маленький, но веский аргумент». Впрочем, наши планы относительно трофейного оператора были куда менее кровожадными.

⁷ Рене Флорентиец – парфюмер Екатерины Медичи. Славился искусством составлять яды.

Палаты в нашем лазарете чистые, светлые. На окнах занавесочки, жалюзи опускающиеся. За окнами благодать, зелено, пять гектаров парка. Листья шелестят, птички поют. В общем, все по первому разряду. В палате три койки. На одну – пациента нашего драгоценного, на другую – Валерку нашего, для пушей важности, третью расстелим да примнем. Вышел больной, может в парк, на скамеечке посидеть, а может покурить. Декорация, считай, готова. Самое время провести весь спектакль для одного-единственного зрителя. Главную роль исполняю я. Эдакий добрый доктор Айболит... Ну, и, конечно, массовка: пару барышень из здешнего персонала, халатики белые, ослепительной чистоты, шапочки, повязки марлевые: не то медсестры, не то белые ниндзя. Оценивающе гляжу. Вроде все в порядке. Вот эта, что пониже, будет моей ассистенткой. Шприц с антидотом, тахометр. В общем, готово. «Итак, мы начинаем!» – как говаривали в былые времена господа комедианты.

– Медсестра, укол, – сестричка пускает струйку, выгоняя воздух из шприца, и отработанным движением всаживает свое орудие труда в вену. Валера старательно натягивает на себя одеяло и делает вид, что спит. Как на грех, пижамы его размера в лазарете не оказалось. Минут через пять оператор придет в себя. Ничего не должно вызывать подозрений. Глазки-то у него, должно быть, зоркие. Ну, да и нам не впервой в маскарадах участвовать. Вот, пожалуйста, начал шевелиться. Сестра молча оборачивает руку нашего клиента черным матерчатым браслетом и начинает накачивать резиновую грушу. Пора на исходную позицию. Выхожу за дверь и, прижавшись к стенке, жду условного сигнала. Вот и он. Дребезжащий звонок говорит о необходимости появления врача.

– Павел Петрович? – произносит моя ассистентка, едва я вхожу в палату. На ближайшие полчаса Павел Петрович – это я. Будем знакомы.

– Вот и славненько. Напугали вы нас, молодой человек.

Оператор смеривает взглядом помещение и всех присутствующих в нем. Привязка к местности прошла. На всякий случай, традиционный вопрос:

– Где я?

– В больнице, дорогой мой, в больнице. Прямо с кладбища вас сюда и привезли. На вид – такой здоровый человек, что это вам взбрело в голову в обморок падать? Хоронили кого-то?

– Да... – шевелит губами наш «больной», – Дорогого человека.

– Понятненько. Ну ничего, ничего. С вами-то, во всяком случае, ничего существенного. Переутомление плюс солнечный удар.

– Как давление? – обращаюсь я к медсестре.

– Сто на пятьдесят.

– Ай-ай-ай, маловато. Ну ничего, пару дней полежите, встанете на ноги. А сейчас давайте заполним карточку. Имя, фамилия, отчество? – кладу перед собой грязно-отксереный формуляр. – Мелочь, но в нашем деле – мелочь решает все. Чем больше достоверности, тем больше шансов на успех.

– Красильников, Геннадий Анатольевич, – диктует оператор. Имя, скорее всего, вымышленное, а может, быть и нет, чем черт не шутит.

– Адрес?

– Самаркандский бульвар.

Проверим, дорогой ты наш, проверим. Хотя я больше чем уверен, что вешаешь ты нам лапшу на уши немилосердно. Оно, в общем-то, и понятно. Незачем всякому встречному поперечному доктору знать ни кто, ни что.

– Место работы, должность?

С местом работы тоже все понятно. Институт, название которого на трезвую голову и не выговоришь. Младший научный сотрудник. А в «Ауди», стало быть, за нами старшие научные сотрудники рванули?

– Год и дата рождения?

Уж не обессудьте, господин Красильников. Вы сами взялись играть в эти игры. Вас никто не принуждал.

* * *

– Эй-эй! Куда ты лезешь?! – дежурная по станции выскочила наперерез нарушителям из своего застекленного аквариума.

– Мамаша!.. Ну что вы, в самом деле, шумите? Я что, пытаюсь украсть ваши турникеты? – Дитина, косая сажень в плечах, бережно поддерживая за плечо своего приятеля, широко и добродушно улыбнулся дежурной. – Ну, выпил человек немножко, ну, разморило его на солнышке. С кем не бывает? Что же ему по этому поводу, дома не ночевать?

– Меня это не интересует. Такси берите, – не унималась командирского вида мамаша. – А будите буянить – милицию вызову.

– Тю, зачем нам милиция? – в руке громилы появилась смятая купюра.

– Стой, Колян, держись, браток! – прислонившийся к нему приятель, едва удерживал вертикальное положение. – Мамаша, я же по глазам вижу, что вы добрая женщина. Неужели мы с вами не договоримся?

– Не положено пьяному в метро, – заметно смягчилась дежурная.

– Да разве ж он пьяный? Он усталый, – дитина незаметно всунул «фантик» в карман форменной тужурки.

– Фу, как спиртягой прет. Ладно. Только чтоб тихо мне, – женщина потрясла пальцем перед носом возвышающегося над ней «братана».

– Заметано.

Станция метро «Курская» несмотря на поздний час, была довольно многолюдной. Однако в вагоне сочувственно настроенные мужики потеснились, освобождая место беспорочно пьяному собрату. Тот обвел пассажиров мутным взглядом и рухнул на скамью, уронив рядом с собой на пол кожаную сумку. «Кранты камере!» – вздохнул про себя его провожатый. И синий поезд метро повез «оператора» в бесконечное путешествие по кольцевой линии. Майор Валерий Пластун вышел на «Парке Культуры».

Глава 3

Ну что ж, господа «мушкетеры», пора подводить первые итоги. Как говорил император Наполеон, закладывая два пальца за лацкан своего любимого серого егерского мундира: «Ввяжемся в драку, а там разберемся!» Хорошо бы, конечно, знать, что думал на эту тему старик Кутузов. Увы, флегматичный фельдмаршал не утруждал себя изречением афоризмов, оставляя нам самим домысливать мнение победителя.

С дракой у нас все в порядке. Можно не сомневаться, что наружка уже поставлена на уши нашей милой проделкой. А что в наших закромах? Твердая уверенность в том, что против нас работает ФСБ. Немало, но в общем-то и немного. Топтуны, как известно, народ подневольный, и, как бы не беспокоила нас слежка, инициатива, скорее всего, исходила не от них. От кого же? Это ещё надлежало выяснить. Все, что у нас имелось на этот момент – кассета с записью похорон и номер телефона некоего Петра Филипповича. Расклад, конечно, ещё тот, но играть все таки можно. Ключевая фигура на данном этапе – «сосед Красильникова». Судя по всему, какой-то значительный чин в наружке. Информация о заказчике вчерашней видеосъемки должна проходить через него. Как говорил медвежонок Винни Пух: «Дерево само жужжать не может. А зачем тебе жужжать, если ты не пчела?»

«Петр Филиппович, Петр Филиппович, как бы нам с вами познакомиться поближе? Я вполне допускаю, что вы даже нормальный профи. Мастер своего дела. Только вот дело у вас такое малопrestiжное и в рекламе не нуждающееся. Конечно, если хорошо поискать, то подход найти можно. Одна беда – времени нет. Что ж, придется настоять на личной встрече», – сопровождаемый такими грустными мыслями, я миновал скучающих у крыльца каменных львов и направился в наш сектор.

Слава Бирюков полудремлет в широком кожаном кресле, по-американски положив ноги на журнальный столик. Судя по груде окурков, образующих небольшой курган в пепельнице около компьютера, ночь он провел в трудах. Как и все сотрудники Центра, капитан Бирюков попал сюда по личному распоряжению Николая Михайловича, проводившего в жизнь волю Андропова. До этого он работал в контрразведке. Не совсем обычное занятие для выпускника КВИРТУ⁸, но факультет, выпускающий спецов в области технической разведки, высоко котируется во всех учреждениях, имевших отношение к «борьбе под ковром». Что, в конечном счете, и привело талантливого офицера-технаря в стены барского дома на Остроженке. Здесь во всю богатырскую ширь развернулись и другие таланты этого молодого дарования. Что, в общем-то, и понятно. Когда генсек Андропов вручал карт-бланш генералу Рыбакову на формирование нашего спецподразделения, он как раз и подразумевал возникновение такой организации, в которой таланты ряда великолепно обученных людей были посвящены единой цели – неминуемой и бесповоротной победе в тайной войне. И если Советскую Армию можно было сравнить с разящим копьём, а КГБ с мечем, защищающим и карающим, то мы должны были стать стилетом, от короткого и незаметного удара которым не спасает никакой доспех. Видимо, мысли об этом преследовали Юрия Владимировича Андропова ещё во времена его работы послом в Венгрии. С блеском справившись с попыткой венгерского народа под руководством Имре Надя совершить побег из социалистического лагеря, он, как никто четко уразумел банальную истину, что деморализация или уничтожение в нужное время и в нужном месте немногих лиц, направляющих и контролирующих ход событий, приводит к тем же результатам, что и массированное военное вторжение, но с куда меньшим шумом и затратами. Сменив пост посла на должность председателя КГБ, он энергично, хотя и по возможности скрытно начал проводить в жизнь политику непрямого давления, управления при помощи скрытых рычагов

⁸ КВИРТУ – Киевское Высшее Инженерное Радио Техническое Училище Противовоздушной Обороны.

и тайных пружин. Поэтому предложение полковника Рыбакова, только что оставившего должность резидента КГБ в Вашингтоне и бывшего теперь одним из руководителей внешней разведки, пришлось как нельзя кстати.

Лично мне довелось видеть Андропова дважды. Первый раз совсем молодым лейтенантом в момент представления по случаю перевода в Центр. Второй – через пару лет, когда уже полуживой генсек награждал орденом Красной Звезды нескольких отличившихся офицеров нашего подразделения.

Он был великим человеком и ещё более великим политиком. Стоило один раз воочию увидеть его джокондовскую улыбку и гипнотический взгляд серо-голубых глаз, чтобы понять – кардинал Ришелье нашел в его лице достойного приемника. Он был воплощенная имперская идея, и ничего не могло помешать ему проводить эту идею в жизнь. Кроме конечно смерти.

Порою мне приходилось слышать о борьбе с инакомыслящими, о нарушениях прав человека, имевших место при нем. Действительно, все это так. Андропов не видел нужды в подобных вещах. В его системе государственных ценностей таким «мелочам», как гражданские свободы, просто не было места. Он давил своих врагов тихо, но абсолютно откровенно, даже не задумываясь о возможности поиска компромиссов. Он был идеал политического деятеля: имея нимб и крылья вверху, безо всякого смущения демонстрировал всем желающим свои копыта и хвост. Андропов был не более коммунистом, чем Ален Даллес, и также, как и его заокеанский коллега был глубоко чужд демократических идей. Впрочем, я был бы благодарен тому, кто бы доказал, что эти идеи имеют какое-то отношение к Российской Советской Империи.

В день, когда мы с ним встретились впервые, он взял со стола том Макиавелли и, открыв на заложённой странице, прочитал тихо, но очень четко: «Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь бы сохранена была бы целостность его. Когда приходится обсуждать вопрос, от решения которого единственно зависит спасение государства, не следует останавливаться ни перед каким соображением справедливости или несправедливости, человечности или жестокости, славы или позора, но, отбросив всякие соображения, решиться на то, что спасает и поддерживает».

Недавно в прессе мне пришлось наткнуться на мнение, что образованность Андропова была напускной и дутой. Быть может. Но этот тезис отца современной политической мысли он усвоил намертво и проводил в жизнь со свойственной ему методичностью, всеми доступными средствами.

Наша деятельность с первых шагов и до горбачевско-ельцинской неразберихи была грубейшим попранием всех международных норм, но одного у неё отнять было нельзя – она была эффективна. Собрав с бору по сосенке по всей территории Советского Союза кандидатов в штатные сотрудники Центра, Николай Михайлович Рыбаков проявил недюжинное знание людской натуры и в течении предельно сжатого срока явил миру лазурную мечту Андропова – команду, каждый из бойцов которой, не уступая Джеймсу Бонду в рукомашестве, пострелушках и тому подобных атрибутах личной крутости, многократно превосходил агента 007 в области работы мозгами.

Капитан Бирюков в этом отношении был воплощением андроповского идеала. Как я уже говорил, в нем непрестанно и непримиримо боролись две натуры: аналитика – контрразведчика и творца-драматурга. Побеждала дружба.

Однако дружба дружбой, а служба службой. Вячеслав Бирюков дремал в кресле, водрузив ноги на журнальный столик. Компьютер, стоявший чуть поодаль, выглядел не менее усталым чем, он.

– Доброе утро, – приветствовал я своего друга, усаживаясь в кресло напротив. – Где все?

– Для кого доброе, а для кого и последнее, – открыв правый глаз, дежурно отозвался Слава. – Все, сиречь майор Пластун и капитан Насурудинов в гараже ремонтируют «Опель». После вчерашнего тарана.

- Понятно. А ты, я так понимаю, здесь и ночевал?
- Правильно понимаешь, – Бирюков поднялся и принялся разминаться. – Я вот тут сидел и думал, кому это и зачем пришла в голову идея убивать нашего генерала?
- Да? – Я иронично поглядел на него. – Ну, и как результаты.
- Не ахти. Так, на уровне предположений.
- Ладно. Выкладывай свои предположения.
- Это сколько угодно. Я проанализировал дела, которыми занимался генерал за последние пятнадцать лет...
- Интересно, как тебе это удалось? – это был не досужий вопрос. Информация такого рода отнюдь не считалась открытой.
- Удалось, – пожал плечами Слава. – Конечно, погрешность довольно большая, но все же, это лучше, чем ничего. Суммировав деятельность нашего Центра, резидентную работу и то направление, которое вел Николай Михайлович в ПГУ, я вывел некое подобие вектора приложения силы.
- Основной вероятный противник, – не совсем понимая к чему ведет наш штатный мыслитель, произнес я.
- Это верно. Дядя Сэм. Но я не о том.
- А о чем?
- Основная, и надо сказать небезуспешная работа нашего генерала состояла в том, чтобы вынудить госдепартамент, правительство и лично президента, точнее президентов этой страны действовать в направлении, выгодном Союзу.
- Интересно, интересно... – оживился я.
- Да. Интересно, – без ложной скромности подтвердил Слава. – К сожалению, что именно нужно было Союзу решали совсем другие люди, и это в итоге и привело нас всех в ту глубокую задницу, где все мы имеем честь находиться.
- А если по делу?
- По делу получается парадокс. Люди, определявшие направление этой работы, сами очень похожи на агентов влияния.
- Все их генералы – наши разведчики...
- И наоборот. Впрочем, насчет генералов как раз ничего сказать не могу. Без них конечно дело обойтись не могло, но дирижируют всем этим не они.
- А кто?
- Если бы все было так просто – печально усмехнулся капитан Бирюков. – Сегодня утром я бы уже докладывал тебе, что клиент ждет допроса.
- И все же. Круг подозреваемых... – начал было я.
- Круг? – Слава поглядел на меня как на безнадежно больного. – Вон там, на столе, – он ткнул пальцем в стопку бумаги возле принтера, – распечатан список из тридцати семи лиц, чье возвышение напрямую связано с работой генерала Рыбакова, ещё сто девяносто две персоны косвенно имеют отношение к этим делам. Те, кто в результате их оказался за бортом, я ещё не просчитывал. Да, боюсь, это и невозможно. Впрочем, первые результаты тоже весьма приблизительны.
- М-да, надеюсь, не придется копать весь этот список.
- Если исходить из того, что начинается он Президентом, то думаю что не придется.
- Да, дело приобрело совсем нежелательный оборот. Воистину правильно было сказано: «В много знании много печали. Умножающий знание – умножает скорбь».
- Смерть генерала Рыбакова была на руку любому и каждому из тех, чей путь к власти был связан с попранием интересов Отечества, так как понимал эти интересы Николай Михайлович. Как понимали их все мы. Смерть его была выгодна любому и каждому из них. И всем вместе...

– Что пригорюнились, добры молодцы? – майор Пластун возник в дверном проеме, загромождавая его плечами. – В этом доме поят кофе?

– Поят, – Слава воткнул в розетку электрочайник. – Что там у вас?

– Крыло отрихтовали. Фары поставили. Сейчас Тагир новый бампер прицепит и придет.

Тагир не заставил себя долго ждать, и вскоре, разместившись вокруг стола, мы активно участвовали в ритуальном испытании утреннего кофе.

– Командир! – Валерий Пластун водворил пустую чашку на столешницу. – Каковы будут планы на сегодня?

– Планы? Для начала доложить начальству о наших вчерашних похождениях...

– Это понятно. Я о другом. Мы на студию «КейДжиБи фильм» звонить будем?

– Думаю, да. – Но сначала начальство.

Полковник Талалай встречает нас хмуро. Он явно не в духе. Смерив тяжелым взглядом нашу группу, он произносит, опуская традиционное приветствие.

– Президент сегодня вернулся к работе. Так что ждите. Завтра-послезавтра нашу лавочку прикроют.

Прежде мне не доводилось слышать, чтобы полковник Талалай называл нашу организацию подобным образом. Видимо, ему было здорово не по себе. Немного помолчав, он тяжело вздыхает и бросает, несколько успокоившись:

– Ладно, докладывайте, что там у вас?

Я кратко излагаю ему вчерашнюю историю с Красильниковым, и прошу разрешение на разговор с пресловутым Петром Филипповичем.

– Петр Филиппович, Петр Филиппович, – шеф поднял телефонную трубку и, повернув ключ шифратора, набрал номер.

– Алло! Григорий Кузьмич? Добрый день. Талалай на проводе. Как дела? Ну, о наших делах вы знаете. Да, вчера похоронили. Григорий Кузьмич, у меня к вам вопрос конфиденциального свойства. Да, да. Конечно. А к кому, как не к вам. Вы старых работников наружки всех знаете? Нет-нет, вопрос чисто риторический. Я в этом не на секунду не сомневаюсь. Меня интересует офицер, очевидно, старшего звена, носящий имя-отчество Петр Филиппович. Ага, понятно. – Он делает знак нам пальцем в воздухе, давая команду запомнить. – Подполковник Скороходов. В центральном аппарате с 74 года. Откуда прибыл? Из Еревана? Армянская история. Понятно. Значит, «птенец гнезда» Юрия Владимировича. Что ещё о нем можно сказать? Нет, это пока мне не нужно. Меня интересует его, так сказать, личные качества. Честный служака? Будем надеяться. Нет. Что честный. Большое спасибо. Вы нам очень помогли. – Полковник кладет трубку.

– Ну что, «мушкетеры», все поняли? – Дерзайте.

И так, «добро» на очередной этап операции было получено.

– Откуда звонить будем? – задает резонный вопрос капитан Бирюков, когда мы возвращались по коридору в свои покои. Служебный телефон отпадал, впрочем, как и домашний. Прослушка включилась бы автоматически. И хотя идентифицировать, а собственно, и обнаружить наш служебный телефон было теоретически невозможно, рисковать лишним раз не стоило. Тем более, что эта самая невозможность определения навела бы оперов из наружки на вполне конкретное подозрение. Пока что это излишне. Есть, конечно, ещё вариант позвонить с таксофона. Но, несмотря на то, что подобный способ многократно демонстрировался в различных шпионских фильмах, он тоже был сопряжен с определенным риском. Определить место положения телефона автомата, с которого ведется телефонный разговор – дело одной минуты. Дать ориентировку всем патрульным машинам, находящимся в заданном районе – ещё две минуты. А дальше – поди, докажи, что ты не «верблюд».

– Эх, – вздохнул Валерий Пластун, разворачивая «пальцы веером». – Почему я не «новый русский»? Сейчас достал бы из кармана свою мобильную связь...

– Командир. – В глазах Тагира блеснул огонь, весьма сходный с тем, что загорается в глазах одноименного хищника в момент охоты. – Разреши, я отлучусь ненадолго. Ничего без меня не предпринимайте. Я скоро буду.

Ждать, действительно, пришлось не долго. Минут через сорок капитан Насуртдинов вернулся, и с довольным видом положил перед нами изящную барсетку крокодиловой кожи.

– Где взял? – Поинтересовался я.

– Одолжил у одного пижона.

– Скажи лучше, стащил, – вставляет свое слово капитан Бирюков.

– Скажешь тоже, – возмутился Тагир. Взял попользоваться. Не надо будет, вернем. – Там, – он кивнул на барсетку, – кроме телефона, органайзер с пачкой визиток. Так что – это не проблема. А ему впредь наука будет. Телохранители нужны не для того, чтобы перед патроном двери банка открывать.

– А все таки, если можно, точнее, – попросил я.

– Да что тут поподробнее? Подождал, пока этот тюлень со своим слонопотамом-охранником появятся. Ну и, пока тот прогибался, дверь открывал, я барсетку и потянул. Тоже мне, делов. Не он бы, так кто другой обязательно подвернулся. Мало их, что ли, там плавают?

– А знаешь, кого-то разбомбил? Это Тарас Горелов, генеральный директор концерна «Приватир-Инвест».

– Мне от этого надо плакать или радоваться?

– Не знаю, – задумчиво произнес Валера, медленно перелистывая страничку органайзера. Господа «мушкетеры», имеется вопрос, не относящийся к делу.

– Давай.

– Кто-нибудь знает, чем именно занимается этот самый «Приватир-Инвест»?

– Судя по названию, – отозвался Слава, – инвестирует деньги в приватизацию.

– Резонно. Фамилия Бурлаков кому-нибудь что-нибудь говорит?

– Это что, командующий Западной Группы Войск?

– Он самый. Это я в смысле инвестиций и приватизаций – продолжает он.

– Нет, ребята. Здесь положительно дивная коллекция. Особо умиляют пернатые.

– В каком смысле?

– Грачев, Куликов, Воробьев⁹. Да вы сами посмотрите. Уж не знаю, что этот Горелов приватизирует, но с «детьми Арбата»¹⁰ он весьма на короткой ноге.

– Ладно. Валера, оставь эту пиранью капитализма, и давай займемся нашими делами, – скомандовал я.

– Как скажешь. А я бы все же, перед тем, как благодарному владельцу утерянное имущество вернуть, телефончики себе попереписывал. Придет, скажем, в голову идея Министра Обороны на чашечку кофе пригласить, где ты тогда его домашний телефон возьмешь.

– Да ну тебя. Работаем.

Через полчаса красный «BMW» майора Пластуна покинул тихую заводь Фарисеевского переулка и вырулил на Садовое Кольцо.

Я достаю телефон и вытягиваю антенну. Начинаю выстукивать по кнопочкам номер, продиктованный Красильниковым. Тишина. Тихий, едва слышный шелчок – включилось записывающее устройство... Ну вот, наконец, и гудок.

– Алло, – мужской голос в трубке официально вежлив.

– Петра Филипповича можно?

– Кто его спрашивает?

⁹ Воробьев – генерал-полковник. Нач. Главного управления военного бюджета и финансирования МО.

¹⁰ Дети Арбата – на Арбатской площади находится здание Мин. Обороны.

- Майор Пронин.
Легкая заминка с той стороны.
- Шутите?
- Шучу. Скажите подполковнику Скороходову, что его беспокоят по поводу кассеты.
Снова заминка. На этот раз более длительная.
- Подождите одну минутку. Он сейчас подойдет.
Гляжу на часы. Минутка растягивается на семь. «Пеленгуют, – улыбаюсь я, – давайте, давайте». Наконец в трубке появляется новый голос, твердый, но напряженный.
- Скороходов. Слушаю вас.
- Добрый день, Петр Филиппович, – говорю медленно и размерено. У моего собеседника не должно возникнуть и тени мысли, будто я волнуюсь.
- Добрый день. Кто это говорит?
- Это не важно. Мое имя вам не скажет ровным счетом ничего. У меня кассета, отснятая вчера вашим сотрудником на Хованском кладбище.
- Да, да. Я слушаю вас, – ФСБ-шник напрягается сильнее.
- Если хотите, мы могли бы встретиться. У меня к вам есть разговор по поводу её содержания.
- Где и когда?
- Вы знаете памятник «мещанин Минин пытается отнять меч у князя Пожарского»?
- Естественно, – хмыкает Скороходов.
- Будьте около него в три часа.
- Хорошо. Как я вас узнаю?
- Пальтишко у меня будет серенькое, кепка, а чтоб не обознались, журнальчик будет в руке: «Огонек».
- Издеваетесь?
- Конечно. Я сам к вам подойду. Да, вот еще. Это уже серьезно. Я вам гарантирую личную безопасность. Будьте благоразумны. Приходите один. Если в округе будет хоть один топтун, встреча не состоится.

Глава 4

Подобные встречи – вещь серьезная. На них нельзя приходить с кондачка, в поэтическом расположении духа, с букетом цветов и радостным блеском в глазах. Да и откуда взяться блеску, когда человек, приглашенный на свидание – выдавший виды гэбэшник. К тому же, здесь как в известном фильме Марка Захарова: «Он не один, он с кузнецом придет». А зачем нам, право, его кузнецы?

Есть, конечно, шанс, что он таки объявится в гордом одиночестве, без махальщиков и группы поддержки. Но шанс мизерный. Старая школа. Принимать решение и делать дело можно только колхозом. К тому же, вчера, на Хованском кладбище мы, как говорится, бросили перчатку в лицо всему отделу наружного наблюдения. Вот они все вместе и кинутся её поднимать. По квадратному сантиметру на душу населения. Не греет нас подобная перспектива, ну аж ни как не греет. На таких условиях встреча не состоится. До выхода на тропу войны у нас ещё три часа. Есть время хорошо подготовиться. Освоение местности, камуфляж, оборудование, маршруты отхода.

Трех человек для грядущей операции вполне достаточно. Слава Бирюков остается на базе. Судя по вдохновенному выражению, блуждающему на его лице, в голове нашего генератора идей зреет мысль. Какие-то неведомые пока нам кусочки информационной мозаики начали выстраиваться в его мозгах в стройный узор, и рисунок этого узора манит и притягивает к себе капитана Бирюкова неодолимо, словно блеск сокровищ Эльдорадо. Он бросает томные взоры на компьютер, явно ожидая нашего ухода, чтобы слиться с ним в экстазе. Дело известное. Впрочем, результаты подобных сеансов порою превосходят всякие ожидания.

А вот и мы. Тагир смотрит на нас оценивающим взглядом. Ему что, он остается в машине. Его задача – когда объекту наблюдения надоест-таки созерцать памятник дворянско-мещанской солидарности, упасть ему на хвост и висеть у него на филейных частях, пока господин подполковник не доберется до своего дома. Не только товарищей из ФСБ учили высокому искусству филерства. Мы это тоже умеем.

Со мной, в общем-то, тоже особых проблем нет. Форму свою майорскую я, конечно, не надевал давненько, но носить её ещё не разучился. Человек в форме и заметен и незаметен одновременно. Взгляд автоматически вычленяет его из толпы прочих штатских и продолжает скользить дальше, не фиксируясь на увиденном. Когда же людей в форме много – отличить одного от другого можно только специально задавшись этой целью. В клубе Министерства Обороны, я думаю, их будет много. От Красной площади до него рукой подать, так что место для залегания на грунт – лучше не придумаешь.

Валера преобразился. То есть, не то чтобы он перестал походить на громилу-налетчика и превратился в точную копию матери Терезы. Нет. Но теперь он похож на налетчика американского. Этакое техасское ганфайтера. Не хватает только стетсоновской шляпы и пары «кольтов» у пояса, чтобы затмить Клинта Иствуда в голливудских прериях. Однако сегодня нам не придется брать почтовый дилижанс, не ожидается даже мало-мальски стоящей потасовки в салуне «Семь Лун», а потому на груди у него драгоценный фотоаппарат «Никон», в кармане аккредитационная карточка на имя корреспондента «Балтимор кроникал» Джойса Макферсона, а в голове сплошной американский диалект английского языка.

С языком у нас вообще строго. Когда, попав в стены центра, мы столкнулись с этой проблемой, многим нашим ребятам пришлось здорово попотеть. Знание двух-трех иностранных языков было делом обязательным, и никакие поблажки здесь не делались. Мне было чуть проще. Благодаря своей прабабке, о которой я уже как-то упоминал, кроме русского, я достаточно бойко, как мне казалось, владел польским, французским и английским. Оказалось, что недостаточно. Когда после изнурительных марш бросков, работы на тренажерах где-нибудь в

Балашихе или Суханово или многочасовых тренировок в Искусстве Пресечения Боя, приходишь в лингафонный кабинет, на традиционное хау ду ю ду, хочется ответить что-то такое исконно русское, что вся иностранщина в один момент вылетает из головы... точнее раньше вылетала. Теперь – все о'кей.

Последняя проверка. Согласование действий. Контроль связи. Все в порядке. Что ж, как говаривал один из советских лидеров: «Цели ясны. Задачи определены. За работу, товарищи!»

Половина третьего. Самое время идти. Прогуляться не спеша по Берсеневской набережной. Почитать мемориальные таблички на огромной Сталинской высотке. Лениво откозырять спешащим в увольнение кремлевским пограничникам. Выгулять на Красную площадь, и следуя традиционным туристическим маршрутам, продефилировать через неё от Александровского сада к боярским хоромам на улице мятежного казачьего атамана. Вон он, памятник. Вот он, во всей красе. Объевшиеся достопримечательностями туристы, лениво скользят взглядами по величественным фигурам монумента, безнадежно пытаюсь вспомнить, в честь чего поставлены здесь эти мужики. Пустое занятие. А вот в честь чего поставлен у пьедестала спасителям Отечества высокий грузный мужчина, лет пятидесяти-пятидесяти пяти, из прохожих, пожалуй, знаю один лишь я. Он нетерпеливо смотрит на часы, то и дело бросая изучающие взгляды на скользящие мимо него фигуры.

Нервничает. Аж как-то странно. Вроде бы с его опытом работы можно вести себя более конспиративно. Прохожу мимо, не обращая внимания. Вот Лобное Место. В свое время отсюда оглашались смертные приговоры, однако я не удивлюсь, если в скором времени оно послужит эстрадой для какой-нибудь очередной заезжей знаменитости. Делаю заведенный круг вокруг него. Где же, где, как выражаются в официальных протоколах, сопровождающие лица? Пожалуй, вот тот фотограф, настойчиво предлагающий прохожим сняться на фоне памятника. Кто еще? Отсутствующим взглядом рассматриваю праздношатающихся туристов. Стоп! А это кто такой? К грузному мужчине, ждущему «как ждет любовник минуты верного свидания», когда же появится незнакомец в пальтишке сереньком и с журнальчиком «Огоньком», развязанной походкой подруливает какой-то моложавый тип. Неужели я ошибся? А нет, все в порядке. Тип достает сигарету и, видимо, просит огонька. Кажется, отсюда я слышу – щелчок зажигалки. Пора уходить. Задерживаться дольше опасно. Краем глаза вижу, грузный мужчина опускает вниз сжатую в кулак руку и распрямляет пальцы. Ложная тревога. Что ж, прощайте подполковник Скороходов. Судьба разлучает нас. Впрочем, полагаю, ненадолго. Дальнейший мой путь в клуб Министерства обороны. Дальнейшая обработка объекта, дело нашего кубанского ковбоя. Я могу предсказать, как это будет. Группа англоязычных туристов подойдет к памятнику, чтобы наконец узнать от гида, чем таким прославились изваянные здесь герои. И улыбчивый разбитной американский парень, словно сошедший с рекламного щита «Мальборо», выбирая лучший ракурс для памятной фотографии, случайно наткнется на стоящего за его спиной мужчину. «Oh, Sorry, Sorry!» – начнет смущенно извиняться американец, по дурацкой американской традиции хватаясь руками за свою жертву. Представляю, какую мину скорчит при этом наш подопечный ветеран госбезопасности. Интересно, как бы выглядело его лицо, знай он, что с этой секунды на его костюме работает миниатюрный передатчик-маячок, способный действовать десять часов в автономном режиме. Знай он, что с этой секунды каждый шаг его будет высвечиваться на электронном карт-планшете в машине капитана Насурутдинова!.. «До встречи, товарищ подполковник», – мысленно прощаюсь я с Павлом Филипповичем, передавая объект наблюдения по эстафете.

Вот и клуб. Сержант на посту у лестницы поднимается при виде офицера и заученно отдает честь. Козыряю в ответ и протягиваю ему свое удостоверение. Боец внимательно изучает фотографию. Что ж, разница между ней и оригиналом не существенна. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж и прохожу в буфет. Самое подходящее место для того, чтобы дожидаться результатов операции.

Беру обед. Расплачиваюсь. Обвожу зал взглядом в поиске свободного места. Вон, у стены, подходящий столик. Два офицера в полевых камуфляжах, медленно и размерено поглощают макароны с бифштексами: едят, прям-таки смакуют. Лица худые, осунувшиеся. Скорее всего, «чеченцы». Впрочем, в империи, ведущей практически непрерывные войны во всех своих колониях, по внешнему виду тяжело установить, из какой именно горячей точки прибыл офицер. Подхожу к столику.

– Разрешите?

Привычный прямой взгляд в глаза. Потом вскользь вниз, слегка задержавшись на орденских планках. Свой!

– Присаживайся, – милостиво разрешает один из них. По годам, вроде бы мой сверстник, но уже полковник. Впрочем, в нашей конторе особо чинов не нахватаешься.

– Откуда? – спрашивает он, указывая на планки Ордена Красной Звезды и двух Отваг.

– В последние пару лет из Чернухи, – на местном военном диалекте Чернухой именуется полигон в Балашихе.

– Понятно, – кивает полковник. Расспросы окончены. Если не желает офицер рассказывать о своей службе, значит у него есть на то веские основания.

– А мы из Грозного. Разбираться приехали.

– Точнее, нас разбирать будут, – вставляет другой с погонами майора. – Мудачье.

Тезис понятный. Офицеры замолчали, сосредоточенно втыкая вилки в макароны. Судя по выражениям их лиц, на месте политых соусом трубочек им представлялось совсем иное. Пауза начинала затягиваться.

– О чем речь? – чтобы вернуться к разговору, спросил я.

– О глубокой заднице... – хмуро ответил полковник.

– Не кипятись, Артем, – попытался успокоить его однополчанин, – мужик-то тут ни при чем.

– Прости, приятель. – Он опустил свою ладонь на мою. – Не хотел тебя обидеть. Душу рвет! – Добавил «чеченец», немного помолчал.

– Понимаешь, в чем дело. Нас вызвали в Москву на какую-то, мать их за ногу, следственную комиссию.

– По какому вопросу? – Интерес мой был чисто автоматический. За последние несколько лет мне, так или иначе, довелось наблюдать работу доброго десятка таких комиссий.

– По самому что ни на есть гнилому. В начале декабря девяносто четвертого года я принял сводную танковую бригаду, которой предстояло принять участие в поддержке операций чеченской оппозиции. Впрочем, бригадой это можно было назвать весьма условно. Свалка металлолома и банда новобранцев. Прикинь сам, по два офицера на роту. Первую неделю наша лавка старьевщика исправно снабжала железом Лобазанова и ему подобных. Причем по документам выходило, что все эти танки, БТРы, Шилки и Тунгуски¹¹ продолжали числиться в бригаде. Потом под новый год нам было приказано выдвинуться к Грозному.

– Новогодний штурм? – проявил я свою осведомленность.

– Штурм! – криво усмехнулся полковник. – У меня толковый сержант был, за неимением офицеров взводом командовал, так вот, он все меня донимал, что нельзя город танковыми колоннами атаковать, будто я сам этого не знаю!

Подумать так плохо о боевом офицере-танкисте я не мог. Специфика моей службы была далека от использования танков в условиях городского боя. Но для того, чтобы знать, что танки в городе используются как подвижные огневые точки, сопровождающие атаку пехоты, не нужно было кончать академию. Достаточно было открыть Боевой Устав. Видимо те, кто отдавал приказ, о существовании такой книги не подозревали.

¹¹ Шилка – зенитная установка ЗСУ – 2В-У; Тунгуска – зенитно-ракетный комплекс.

– ...Когда я заявил об этом в штабе, меня заверили, что мои «коробочки» будут взаимодействовать с мотострелковым полком и батальоном десантников. Бригаде была поставлена задача в шесть утра первого января выдвинутся к аэропорту Северному. Для руководства подразделениями нам выданы были туристские план-схемы.

– Простите, что?

– Ты не ослышался! Двигаться предстояло через весь город.

– Сметая все на своем пути. Бронированным кулаком, в едином порыве... – процитировал я газетный заголовок.

– Именно, – понимающе поглядел на меня полковник. – Мотострелковый полк я так и не дождался. Куда они подевались – одному Богу известно. Может, им выдали карты другого года выпуска? – горько пошутил он. – Я выслал вперед разведку. Маневренная группа натолкнулась на засаду.

– Вся улица – сплошная засада, – произнес майор, видимо, исполнявший обязанности начальника штаба бригады.

– Чечи работали мелкими группами. С чердаков, окон верхних этажей или из подвалов. Достать их там из танкового орудия не было никакой возможности. Тем более что никакого боя они принимать не собирались. Отстреляв боезапас, уходили по параллельным улицам вглубь города, где отдыхали и запасались боеприпасами. На их смену приходили новые группы. Чечи поджигали первый и последний танк колонны, остальные били на выбор.

Я глядел на полковника, лицо его было серо, как будто он вновь переживал весь этот дикий ужас этого нелепого злосчастного штурма.

– Спасибо, десантники прорвались, помогли.

Молодой комбриг замолчал.

– Тут дело вот в чем, – начал его товарищ. – Первого января нам вломили здорово, что и говорить. И потом долбали наш металл так, что только дым стоял. Но воевать-то как-то надо. По бумагам мы числились живыми. Ну и, сам понимаешь, здесь кое-что подлатали, там что-то прихватили, одним словом, крутились, как могли. Но тут вот оно что вышло: по бумагам, которые в Генштаб были посланы, все наши шайтан-арбы были уже уничтожены, а все те коробочки, с которыми мы воевали получились прибывшими из армейского резерва уже после грозненской рубилочки. А тут еще, откуда ни возьмись, всплыли десять танков Т-80, которых у нас отродясь не было, но по бумагам, как теперь выяснилось, они за бригадой числились. Теперь вот, блин, отдувайся, куда мы эти «восьмидесятки» подевали!

– Мы не получили от командования ни одного танка, ни одного паршивого «гроба на колесах», – зло опустил на стол увесистый кулак полковник, которого майор называл Артемом.

Офицеры, сидевшие вокруг, начали оглядываться на буяна.

– Пойдемте, проветримся, ребята! – негромко произнес я, ловя на себе настороженный взгляд с соседнего столика. – У здешних стен очень чуткие уши.

Мы покинули старинное здание клуба и, вновь прогулявшись через площадь мимо литых ратоборцев, направились в обход Кремля.

* * *

Когда я добрался до особняка в Фарисеевском переулке, уже начинало вечереть. Слава Бирюков, оставленный нами у бортового компьютера, сиял, подобно рубиновой кремлевской звезде. В своем загоне верещал голодный мангуст.

– Ты Раджива кормил? – поинтересовался я.

– Нет, – честно признался он. – Ничего, потерпит. Лучше посмотри, что я нарыл.

– Ладно, давай, выкладывай. Я вижу тебе не терпится поделиться открытием.

– Ты знаешь, кого сегодня Тагир разбомбил?

– Погоди, сейчас вспомню. – Я слегка напряг память. – Тарас Горелов – так, по-моему. Генеральный директор «Приватир-инвеста».

– Абсолютно верно. Тебе это имя ничего не говорит?

– Пару раз, по-моему, по телевизору видел. Что-то, вроде, с благотворительностью связано.

– С благотворительностью? Может быть. Я не об этом. Меня сегодня интересовал даже не столько он, сколько его отец – Алексей Горелов. Слышал о таком?

– Алексей, Алексей... Нет, не помню.

– А, ну да. Ты же не москвич. История в свое время была громкая. Кандидат экономических наук. Был представителем Внешторга в США в конце семидесятых.

– Внешторга? Или... – Я похлопал рукой себя по плечу.

– Официально, Внешторга. Но тут не без вопросов. Так вот. В один прекрасный день, этот самый Алексей Горелов окончательно уразумел все прелести западной жизни, и предпочел не возвращаться на далекую Родину, где ждали его жена и малютка сын.

– Невозвращенец?

– Что-то вроде того. Так вот. Уже через год после того, как дядя Сэм предоставил крышу этому беглецу из-за железного занавеса, мистер Горелов организовал фирму «Эй Джи Спешел Механикс», которая быстро идет в гору.

– А деньги?

– Откуда взялись деньги – одна из загадок. Но взялось из немало.

– Чем занимается фирма?

– Скупает разнообразную подержанную технику в одном месте, продает в другом. Комбинация, в общем-то простая и вполне законная, если не учитывать, что, имея дочерние предприятия в разных концах мира, эта фирма поставляет время от времени сеялки с вертикальным взлетом для слаборазвитых народов.

– Торговля оружием?

– Специальной механикой.

– Ты подозреваешь «руку Москвы»?

– Не без того. Но я сейчас о другом. Несколько лет тому назад, когда флагман перестройки взял курс на запад, Алексея Тарасовича Горелова неумолимо потянуло к родным берегам. И здесь он, как богатый инвестор, был принят хлебом-солью. И ни одна гэбэшная собака не тявкнула ему вслед об измене Родине. Впрочем, все эти годы Комитет вел себя на редкость гуманно по отношению к семье перебежчика. В данный момент сей достойный джентльмен является большим другом России и советником Президента США в области экономической политики по отношению к бывшим республикам нашей великой Родины.

– Понятно! Очень поучительная история. Но скажи, пожалуйста, какое отношение они имеют к нашему делу? – спросил я, выслушав очередную поучительную рассказку из жизни родных спецслужб.

– Почти никакого, – тихо произнес Слава, соединяя руки в замок. – Почти никакого... Есть только один маленький нюанс. Возможно, он ничего не значит, но меня, как контрразведчика, он заинтересовал.

– Слушаю внимательно.

– Когда Горелов-старший перешел на сторону нашего потенциального противника, резидентом КГБ в Вашингтоне был Николай Михайлович Рыбаков, – любуясь произведенным эффектом, завершил Бирюков.

– Ты хочешь сказать?..

– Ничего я не хочу сказать. Но нюанс такой имеется. И мы должны иметь его в виду. Кстати, есть человек, который наверняка сможет рассказать нам о нем.

– Кого ты имеешь в виду? – озабоченно спросил я, перебирая в уме возможные кандидатуры.

– Варвару Кондратьевну Рыбакову. Она в то время работала в посольстве. Да и вообще, нам давно пора с ней повидаться.

– Надо. Вот только светиться в тех краях нам пока не стоит. Полагаю, собратья по щиту и мечу там бдят всюю, – печально вздохнул я.

– Учтено. Мое подрастающее поколение на короткой ноге с внучкой Варвары Кондратьевны. И я думаю, что через этот канал удастся беспрепятственно передать записку соответствующего содержания. Да, кстати, я тут совсем затуркался, минут за двадцать до твоего прихода звонил Тагир, – внезапно хлопнул себя по лбу Слава.

– Ну? – спросил я.

– Что, ну? У них все в порядке. Валера вроде бы сработал нормально. Но для проверки пошел чиститься.

– Куда? – для проформы поинтересовался я. Потому как что-что, а купировать всяческие хвосты Пластун умеет виртуозно.

– В Госдуму, там у них пресс-конференция. Оттуда уйдет на ком-нибудь из депутатов.

– Так что же ты молчишь?

– Я не молчу. Я говорю. Тагир сопровождал объект домой и в двадцать один ноль-ноль будет ждать тебя на Калининском проспекте, возле Первого Тома. Кстати, сейчас двадцать десять.

Глава 5

В условленном месте насурутдиновского «Опеля» не оказалось. Вместо него стоял красный «BMW» Пластуна. Сам он, вновь сменивший облик ковбоя на привычный вид вышибалы из ночного бара, сидел в кресле, методично жуя деревянную зубочистку. Массивная золотая «цепура», едва обхватывающая его нестигаемую шею, довершала образ изрядно обновленного русского.

– Привет, старшой, – небрежно бросил он, опуская стекло. – Залезешь в тачку, или так и будешь светофорить на дороге?

– Привет, привет. – Я открыл дверь и рухнул на заднее сидение. – Как дела? Где Тагир?

– Отвечаю по порядку. Дела в среднем, штатно. Не то, чтобы совсем гран парадиз, но в рамках допустимого. Топтуны сели мне на хвост прямо на площади...

– Фотограф?

– Нет. От этого я отгородился туристами. Но, возможно, где-то и была скрытая камера. Не один ты умеешь работать. Короче, хвост я утянул за собой в Думу. Оттуда свалил в свите Жириновского. Прилип к одному кренделю-ЛДПРовцу. Вроде бы там в толпе они меня и потеряли.

– Тебя потеряешь, – усомнился я.

– Без проблем. Ты видел, какие мальчишки у этого фраера на подлете и подхвате?

– Ладно, что дальше?

– Дальше я уехал на этом самом ЛДПРовце. Ты бы знал, как он меня утомил. Оно, конечно, правильно говорят: «болтун – находка для шпиона!», но этот!..

– Заболтал?

– Абсолютно в дырочку. Отделался от него – такси, метро, ГУМ, пешая прогулка с заходом в пункты контрнаблюдения, и вот я здесь, весь готовый к работе, – майор Пластун склонил голову в шутовском поклоне.

– С тобой ясно. А Тагир?

Валера повел взглядом в сторону двора.

– В шахматы играет.

Возле одного из подъездов я разглядел склонившегося над доской капитана Насуртдинова.

– Понятно. Объект, как я понимаю, живет в этом подъезде?

– В соседнем. Вон, погляди. На шестом этаже окно с голубыми шторами. Видишь?

– Вижу. Что у вас уже есть?

– Квартира принадлежит некой Кисленко Марии Михайловне. Однако, по непроверенным пока данным, она здесь уже не живет года три.

– Конспиративная квартира ФСБ?

– Быть может, – пожал плечами Валера. – А может, и нет. Может, просто съемная. В девятнадцать тридцать пять Скороходов звонил жене...

– И что? – Я прикладываю к уху воображаемую трубку.

– Ничего особенного. Как я понял, у него нелады в семье.

– Понятно. Есть ещё что-нибудь?

– Прослушка пока больше ничего не дала. Непонятно даже, один он в квартире или кто ещё есть, – разводит огромными ручищами Пластун.

– М-да. Не густо.

– Это уже чем богаты... – все в той же позиции отвечает псевдовышибала.

– Понятно. Что думаете предпринимать?

– Молить Бога, чтобы наш подполковник не надумал свалить с этой хаты на ночь глядя, – обреченно вздыхает мой друг, и я понимаю, что планы на сегодняшнюю ночь у него не ахти.

– Допустим. Что дальше?

– Рассказы о привидениях читал? Вот после отбоя и сыграем с ним в игру «Тень отца Гамлета». Замки на двери – от сквозняков и честных людей. Я проверял.

– Мне это не нравится. Если квартирка эта таки ФСБшная, то электроники в ней – что в американском посольстве.

– Да мне, в общем-то, тоже эта идея не нравится, но за жабры-то его брать надо. Понятное дело, телефон отключим, электричество отрежем... – Пластун вздохнул и уставился в окно. – Предложи что-нибудь более путное.

Темень за окном становилась все гуще, и если бы не освещенные витрины киосков, окна да куцый обрезок Луны, она была бы уже совсем непроглядной. Шахматный турнир по природно-техническим причинам завершился сам собой, и Тагир откочевал в свой «Опель» – ждать от моря погоды и от начальства распоряжений. Окно на шестом этаже с голубой шторой продолжало светиться, но это не значило ровным счетом ничего. Вполне возможно, что Скороходов заподозрил, что сам попал под наблюдение и тянет нас по ложному следу. Возможно, за хлипкими замками в квартире на шестом этаже нас ожидает засада. Представляю себе заголовки завтрашних газет: «Бывшие сотрудники спецслужб обвиняются в попытке ограбления квартиры». А даже если никакой засады нет, что тоже вполне вероятно – подъезд практически не освещен, наши машины стоят на изрядном расстоянии, да и угол обзора ещё тот. Опытному топтуну в таких условиях тихо уйти – что два пальца об асфальт. И будет до глубокой ночи сигналить «клевс», вцепившийся в подкладку кармана подполковничьего пиджака. А сам пиджак небось преспокойно висит себе в шкафу. Висит и забот не знает. В отличие от нас.

Впрочем, вполне может статься, что все это – пустые страхи. Поссорился мужик с женой, съехал на съемную квартиру и сидит себе сейчас на кухне, запивая чаем сухие бутерброды. Хотя почему чаем? Почему бутерброды?

Размышления мои прерывает писк радиостанции.

– Слушаю, Мангуст первый.

– Привет, первый. Рад тебя слышать. Докладываю. Объект вышел из подъезда и направляется в вашу сторону.

Вот он, долгожданный наш! Уж и не знаю, каким богам возносить молитвы, но, как говорится: «Воистину, Акбар!»

Представительная фигура Скороходова выныривает из темноты и появляется в освещенном прямоугольнике возле коммерческого киоска. Господи, как все банально! Закончились сигареты. Объект протягивает в окошко деньги, берет пачку и разворачивается, чтобы уходить. Следую за ним. Тихо, чтобы не спугнуть. Вот здесь место вполне подходящее для беседы. Темно и безлюдно. Трогаю его рукав.

– Петр Филиппович, вы не могли бы уделить мне несколько минут? – Скороходов пытается повернуться. Ухожу ему за спину. – Не надо поворачиваться. Вам пока что ничего не угрожает. Мне просто нужно с вами поговорить без свидетелей. Это я звонил вам сегодня насчет кассеты.

Интересно, попробует сопротивляться или нет? Не должен. Профессионал, а он наверняка является таковым, не станет решать подобные вопросы на уровне мордобоя.

– Я слушаю вас.

Молодец, почти не волнуется. Во всяком случае, хорошо это скрывает.

– Мы с вами не могли сегодня встретиться около памятника.

– Очень жаль. Я вас прождал битый час. Потерял уйму времени.

– Я в курсе. Я был там и вас видел. Но вы пришли не один, а мы так не договаривались.

– А мы что, о чем-то договаривались? – парирует мой собеседник, старательно пропуская мимо ушей упрек. – К тому же, вы ведь тоже были со свитой. Верзила с фотоаппаратом ваш человек? Проверка на вшивость?

– Не понял?

– Ладно. Замнем для ясности.

– Что вам от меня надо?

– Мне нужно знать, кто приказал вести наблюдение во время похорон генерала Рыбакова? Желательно также знать причину, по которой был отдан этот приказ.

– Почему вы полагаете, что я стану с вами разговаривать на эту тему?

– Почему? Перед тем, как решиться на встречу с вами, я постарался навести о вас справки. Мне характеризовали вас, как человека честного. Но, насколько я понимаю, молодой лейтенант Скороходов попал в Москву, спасаясь от возмездия всесильных армянских «ком-партханов», скажем так, в связи с неудачной попыткой борьбы с коррупцией в этой республике Закавказья. Работай вы, скажем, в Грузии или в Азербайджане, наверное, давно были бы генералом, а то и министром.

– К чему вы эти разговоры? Свою биографию я ещё помню без посторонней помощи.

– Я в этом и не сомневаюсь. Меня просто хочется надеяться, что ваши принципы с тех пор не сильно изменились.

– Предположим. Ну и что?

– А то, что генерал Рыбаков был убит три дня назад. Выстрелом в голову. Официальная версия – самоубийство, но это все чушь. И не мне вам рассказывать, что по почерку этот выстрел, как две капли воды похож на многие другие, прозвучавшие в семидесятых-восемидесятых годах по приказу КГБ.

– О чем идет речь? – спрашивает он раздраженно, Впрочем, без притворного удивления на лице.

– Бросьте! Я много лет работал под руководством генерала Рыбакова. Так что я в курсе дела. В некотором смысле мы – коллеги.

– Почему я должен вам верить?

– В общем-то, у вас есть выбор. Но я приведу вам два довода «за»: первое – мнимое самоубийство генерала Рыбакова кем-то и по какой-то причине, было отдано в оперативную разработку, что при самоубийстве реальном – полнейший абсурд. Второе – мы оставили в живых вашего «оператора», что, будь я представителем какой-либо преступной группировки, стало бы крайне неосмотрительно. Да и вам сейчас, Петр Филиппович, ствол в затылок не упирается.

– Предположим. И все же, я не назову вам, кто отдал приказ. Если вы, как вы утверждаете, действительно наш сотрудник, то сами поймете почему.

Понять, почему – не сложно. Для этого даже не надо иметь стаж работы в секретной службе. Вполне бы хватило прочесть в детстве сказку о «Мальчише-Кибальчише».

– Ладно, это ваше право. Но я надеюсь, что мы с вами ещё вернемся к этой теме. Я позвоню вам еще. Прощайте.

Тихо ухожу в сторону, и притаившись за киосками, наблюдаю, как Петр Филиппович не оборачиваясь, направляется к своему подъезду. Чиркнула спичка, ещё одна.

– Черт! – тихо ругается Скороходов, замедляя шаги.

* * *

– Ну что? Разговорил? – с ходу набросился на меня Валера, едва я открыл дверцу автомобиля.

– Нет, – Я отрицательно покачал головой.

– Ну что же ты так? – разочарованно произнес майор Пластун. Даже в темноте чувствуется его укоризненный взгляд.

– Пока не удалось. Но думаю, что мы ещё вернемся к этому разговору.

– Думаю, думаю... – недовольно бурчит мой друг.

– Ладно, давай отбой Тагиру и поехали.

Вот и родной дом. Так сказать, среда обитания. Уныло молчащий лифт, высокомерно погруженный в какие-то свои мрачные мысли, лестница, к вечеру вновь покрытая слоем окурков, портреты политических деятелей на стенах, обещающих каждому, расставшемуся в их честь со своим голосом, индивидуальное место на кисельном берегу у безмятежного движения молочной реки. К горделивым ликам всех этих мирообустройцев чьей-то неутомимой рукой приписано и пририсовано все то, в чем сконцентрировано чаяние народное относительно лиц вышеупомянутых.

Валера Пластун называет эти дома «презервативами». Во-первых – из-за размеров жилья. Ну, тут ему и вправду угодить сложно. А во-вторых, как он выражается, дома эти построены для того, чтобы загнать в безопасное русло наступательный порыв масс. Вообще, с его взглядами, только в госбезопасности и работать. Сиди он на другой должности, давно бы уже ему распугивать белых медведей и отталкивать от наших границ шпионские льдины на каком-нибудь Баренцевом море.

Я наспех завариваю себе кофе и методично строгаю колбасу для бутербродов. Картина «Ужин холостяка». Телевизор полупшепотом рассказывает ночные страшилки. Перестрелка на Кутузовском, взрыв в конторе банка. Еще один взрыв; в квартиру угодили из гранатомета; ограбления; пропали без вести; помогите установить личность... А вот заключительный мажорный аккорд. Бравые хлопцы в камуфляжах с «кедрами»¹² в руках и черными шапочками-«террористками» на лицах. Кому-то врезали под колено. Традиционное битье головой об капот автомобиля. Руки за голову, ноги разведены, как для клистира – кто-то таки допрыгался! Право слово, наша полуодетая Фемида с несколько сползшей с глаз повязкой, последнее время как-то неохотно пускает в дело свой меч. Но уж если она это делает, то с таким гусарским ухарством, что возникает вопрос: «кто и чем собственно занимается?»

Мои философские рассуждения над бутербродом прерывает требовательный звонок телефона.

– Слушаю.

– Саша, вечер добрый. Я тебя не разбудил? – В голосе Славы Бирюкова слышится скрытая издевка.

– Нет, я как раз собирался выпить чашечку кофе.

– Понятно. А я вот тут сижу, решаю гореловские ребусы. Вырисовываются кое-какие занятные нюансы.

– По делу?

– Не то чтобы совсем, но где-то около. Я, в общем-то, не из-за этого звоню. В полдень появись в конторе. Мой охламон общался со своей подружкой, так что завтра ожидается рандеву. Детали при встрече. Уловил?

– Спрашиваешь!

– Да, кстати. Ты телевизор сейчас не смотрел?

– Так, в полвзгляда. А в чем дело?

– Мужика там показывали на опознание. Нашли в канализационном люке с дыркой в сердце. По-моему, я его где-то видел. Только не могу вспомнить – где.

– Ничего, утро вечера мудренее. Авось, вспомнишь.

– Авось. Ладно, до связи.

¹² «Кедр» – пистолет-пулемет Драгунова.

Короткие гудки в телефонной трубке недвусмысленно напомнили, что время разговоров подошло к концу, уступив место тем часам, когда Оле-Лукое открывает свои знаменитые зонтики. Я, видимо, был плохим, непослушным мальчиком и провалился в сон, как в полынью под лед.

Утро не радовало разнообразием, но на счастье, и не огорчало им же. Приведя себя в состояние, достойное российского офицера, я старательно размялся с пудовиками, безжалостно избил грушу, загораживающую вход в комнату и, почувствовав себя вполне в форме, отправился вслед Трубадуру с его неразлучной принцессой, то есть навстречу новым приключениям. Будь они неладны.

Слава Бирюков восседал на своем рабочем месте, неизменный, как заставка программы «Время». У меня иногда создавалось впечатление, что он в родстве со здешним домовым, ибо моя попытка появиться в барской усадьбе раньше него была заведомо обречена на провал.

Отвлечшись от монитора, Слава обратил на меня свой благосклонный взор и, развернувшись в кресле, принялся сгружать мне накопившуюся у него информацию.

– Саша, работаем так. В час – час пятнадцать Варвара Кондратьевна появится на станции «Китай-город». Там она заметит Тагира и, не подходя к нему, пойдет следом. Ты будешь сидеть за рулем такси. Где там парковка ты знаешь?

Я согласно кивнул головой. Похоже, план встречи разрабатывала сама Варвара Кондратьевна. Чувствовалась старая закалка.

– Когда Тагир появится – начинай двигаться, – продолжал Бирюков. – следом за ним выйдет Рыбакова. Дальше – как обычно. Она будет голосовать, ты её возьмешь. Что еще? Машина у тебя до трех часов. Дальше ты её подгоняешь к ресторану «Прага» и уходишь. Ключ под передним сидением. Тагир с Валерой у тебя в прикрытии. Все понятно? Вопросы?

Я снова кивнул. Все было понятно и без вопросов. Не знаю, кому принадлежало такси, за рулем которого мне предстояло провести часть сегодняшнего дня, но упоминание ресторана «Прага» наводило на мысль о Славиных связях. Шеф-поваром этого ресторана работал один из его многочисленных дядьев.

– Да, вот ещё что! – вспомнил Слава. – Я тебе вчера уже говорил, что пытался разгадать гореловские ребусы...

– Это имеет отношение к нашему делу? – перебил я его. – Видишь ли, у меня сейчас голова всецело занята предстоящей встречей.

– Не занудствуй! – поморщился Бирюков. Ученые установили, что человеческий мозг загружен информацией всего на шесть процентов. Так что не притворяйся и слушай. Может быть, конечно, все это только моя любовь к решению логических задач, но я верхним чутьем чувую, что у нас в руках серьезная нить.

– Слава, сейчас время такое. Будь спокоен, если бы Тагир увел любой другой органайзер любого другого толстого фраера, у нас в руках оказалась бы не менее серьезная нить.

– Но он увел именно этот органайзер. В нем черным по белому написано, что сын вчерашнего изменника Родины на короткой ноге с изрядной частью нашего генералитета.

– Сын за отца не отвечает. К тому же наличие телефонов в записной книжке ещё ни о чем не говорит. Их можно добыть десятком различных способов. Так что версия – это сильно сказано.

– Телефоны добыть можно. Не спорю. Но они у него постоянно добавляются и обновляются. А, кроме того, я имею в виду ту часть, где записаны встречи, телефонные звонки и краткие тезисы переговоров.

– И что же?

– Имен здесь, понятное дело, нет: инициалы или кодовые прозвища. С прозвищами до банальности просто. Они особым буйством фантазии не отличаются: «Грач» – Грачев, «Тюлень» – генерал Тюленев, «Бурлак»...

- Бурлаков. К чему ты мне все это рассказываешь?
- Не перебивай. Слушай. С инициалами сложнее. Но тут я тоже кое-что предпринял.
- Например?
- Например, влез в компьютер бухгалтерии Минобороны и срисовал оттуда все инициалы. Понятное дело, что многие дублируются, но не все. Таким образом, у нас появились ещё ряд действующих лиц.
- У тебя.
- Что?
- У тебя появился ряд действующих лиц, – поправил я. – Пойми, что все это допущение, причем, притянутое за уши.
- Допустим, – не унимался Бирюков, – я все равно не передаю это дело в суд. Однако исходя из того, что часть людей из этого списка совпадает со списком людей, так или иначе заинтересованных в гибели генерала Рыбакова, я полагаю целесообразным продолжать расследование в этом направлении.
- Слава, не дури. Это паранойя. У тебя на руках десятков случайных фактов из многих тысяч, не менее случайных. Ты усматриваешь между ними взаимосвязь. Может, она и есть, Мы рассматриваем дело, касающееся узкого замкнутого круга лиц, по случайности часть из них упоминается в записной книжке Горелова. Давай, по этому поводу, подозревать его в совершении убийства.
- Да, черт побери, давай подозревать. Во всяком случае, против этой версии ни одного факта нет.
- А за?
- Тебе нужны факты «за»? Пожалуйста. Горелов-старший какое-то время работал вместе с Рыбаковым.
- Это не факт.
- Считай, что факт. Я сегодня ночью влез в архивы ФБР.
- Да? А куда ещё ты сегодня ночью влез?
- Не перебивай. Там есть интересный документ. ФБР заинтересовало, откуда взялись крупные финансовые средства у «вчерашнего» перебежчика?
- Грабил почтовые дилижансы, или выиграл в «блэк-джек» в Лас-Вегасе.
- Умен, – саркастически заметил капитан Бирюков. – Он уважаемый человек, мистер Горелов. Написал бизнес-план и взял тридцатимиллионный кредит в Лозаннском банке братьев Штейнер. То есть, попросту, из спецфонда КГБ.
- То есть... Ты хочешь сказать... – Мысль моего друга стала мне понятной.
- Я хочу сказать, что фирма «Эй Джи Спешел Механикс» со всеми её дочерними предприятиями от ручек на входных дверях до последнего цента на счетах, принадлежит КГБ. Теперь ФСБ. Знает об этом, естественно, крайне ограниченный круг лиц. Но резидент КГБ в Вашингтоне, под началом которого наверняка работал Горелов, не зная об этом не мог. Более того, я очень сильно подозреваю, что вся эта комбинация и разработана Рыбаковым.
- Почему ты так думаешь? – спросил я, внутренне понимая, что, скорее всего Слава прав.
- Почерк его. Подобная фирма позволяет в обход всех запретов гнать боевую технику в любую точку мира, причем, не от лица Советского Союза, а под флагом Штатов, или какой-либо третьей страны. Теперь, если выяснится, что фирма Горелова-младшего занимается тем же самым, то у достойного сына своего отца есть все основания желать гибели Рыбаков. А судя по некоторым записям, скорее всего, так оно и есть.
- Что ты имеешь в виду?
- Вот, например, смотри. Семнадцатое шестое. Обсудить с «Бурлаком» и КВТ трансп. мех. трансп. В «Три колодца».

– «Трансп. мех» – это, скорее всего, транспортировка механизмов, – догадался я. – Бурлак – понятно, а что такое КВТ?

– В Минобороны числится три КВТ. Из них один имеет отношение к транспортировке. Это генерал-майор Кудрявцев Василий Тимофеевич. Он курирует военные перевозки.

– Понятно. А эти самые «колодцы»?

– Очнись, Саша. «Три колодца» – это Учкудук. Так сказать, ближнее зарубежье.

– Все понял. Считаю, что ты меня убедил. Значит, надо будет вплотную заняться этим Гореловым.

– Для начала, не забудь порасспросить о его отце Варвару Кондратьевну.

В дверь тихо стучат. Не дожидаясь ответа, в комнату просунулась улыбающаяся физиономия майора Пластуна.

– Эй, хозяйка. Вы того, такси вызывали?

– Вызывали, вызывали.

– Так я уже вас минут десять внизу ожидаю. Хватайте вещички и на выход.

Глава 6

Ремесло таксиста для российского офицерства – дело, так сказать, привычное. Младший брат моего прадеда, погибшего на «Ретвизане» в Цусимском сражении, после увода Врангелем Черноморского флота в Турцию, перебрался в Париж и до самой войны работал там таксистом. Да и не он один. В предвоенные годы в Париже русское такси было нормой. Поговаривали, что за рулем этих авто можно встретить нескольких великих князей. Это, конечно, был художественный вымысел, на который французы известные мастера, но суть дела была схвачена верно. Потом, правда, в первые дни войны, когда потомки наполеоновских гренадеров и праправнуки Бертрана Дюгесклена сложили оружие, уступая первому же натиску тевтонской ярости, экспрессивные парижане в отчаянии восклицали, встречая своих «защитников»: «Если вы не умеете сражаться, садитесь за руль такси! Пусть воюют русские! Они это умеют!» Бывший лейтенант флота Российского Петр Лукин принял эти слова, как руководство к действию. Он погиб в 1944, обеспечивая высадку союзников в Нормандии...

А лет пять тому назад, будучи по делам службы в Нью-Йорке, я уселся в одно из многочисленных желтых такси, несущихся по 42-й стрит и к ужасу своему узнал в шофере бывшего преподавателя своего родного училища, майора Кунцевича. Скорее всего, он просто не узнал меня, а может быть не подал вида, но мое участие в операции пришлось срочно отменять. Так что, как ни крути, от офицера до таксиста – один шаг.

Варвару Кондратьевну я разглядел издалека. Выйдя из метро, она немного прошла по улице и, остановившись у края тротуара, подняла руку, тормозя машину. Естественно, я не замедлил остановиться около нее.

Варваре Кондратьевне Рыбаковой было немногим боле шестидесяти. В былые времена она не без основания считалась записной красавицей. И хотя неуклонному ходу времени чувство прекрасного чуждо, вдова нашего генерала упорно отказывалась стареть. Во всяком случае, за те пятнадцать лет, которые мы были знакомы, я изменился куда больше, чем она.

– Добрый день, Саша! Рада вас видеть.

– Я тоже рад, тетя Варя. Куда едем?

– На Лубянку.

– Хорошо. Но сначала поколесим по городу, – киваю я, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Хвост? – она спросила об этом спокойно, будто о чем-то будничном.

– Вполне вероятно. Во всяком случае, за домом следят, это точно. И телефон на прослушке. Ничего, покатаемся. На крайний случай нас подстрахуют Валера Пластун и Тагир.

Варвара Кондратьевна печально вздохнула.

– Очень жаль, что вас не было на кладбище. Вы же знаете, Николай Михайлович к вам очень тепло относился.

– Знаю. Но мы были на кладбище.

– Вот как? Я вас там не видела.

– Значит, мы хорошо работали. У нас сохранилась запись похорон, сделанная наружкой ФСБ.

– Понятно. Хотя, по правде сказать, непонятно ничего. С момента убийства моего мужа ФСБ старается держать под контролем каждый мой шаг.

– Вы уверены, что это было убийство?

– Я не секунды не сомневалась в этом, – Варваре Кондратьевне непросто давалось это видимое спокойствие голоса.

– Быть может ФСБ пытается найти убийцу? – подкинул я провокационный вопрос.

– Не думаю. Точнее уверена, что нет. Я полагаю, что дело было закрыто по их инициативе, – твердо произнесла Рыбакова.

– Хорошо. Давайте с самого начала. Как все было?

– Я ездила на рынок, – начала свой рассказ Варвара Кондратьевна. – Николай Михайлович сказал, что к нему должны прийти по какому-то важному делу.

– Кто и откуда? – перебил я.

– Некто Сухорук. Из контрразведки.

– Сухорук, Сухорук, – не знаю такого, – качаю головой я.

– Я тоже, – грустно произносит Варвара Кондратьевна, не отрывая глаз от трассы.

– Откуда вам известна эта фамилия?

– Он, видимо, договаривался с мужем заранее. Но у него наверняка что-то не складывалось со временем. Он перезвонил к нам за день перед смертью Николая Михайловича. Нас никого не было дома, и он оставил сообщение на автоответчике, что будет не в десять, а в одиннадцать. Кроме того, он как-то уже встречался с Колей. Не знаю, о чем они разговаривали, но моего мужа это сильно взволновало, – тихо произносит она.

– Вот как? Занятно. А где эта кассета?

– У меня.

– Даже так? Как же ФСБ до неё не добралась? – Я смотрю на неё с нескрываемым интересом. Вот что значит – старая школа.

– Представители ФСБ изъяли кассету, стоящую в автоответчике, но там уже была новая. Про эту я сама забыла. Она лежала в тумбочке. Вчера, когда Оксана принесла записку, начала собираться и случайно нашла, – дает простейшее объяснение Варвара Кондратьевна.

– Ладушки. Это уже что-то. Посмотрим, кто такой этот Сухорук. Простите, я вас перебил. Вы начали рассказывать об убийстве Николая Михайловича.

– Я возвращалась без десяти двенадцать, – продолжает она.

– Это точно?

– Сашенька, не забывайте, где я работала.

– Я помню.

Такое не забывается. В молодые годы Варвара Кондратьевна была шифровальщицей, там-то её и заметил наш генерал. Впрочем, в те времена он, кажется, ещё был капитаном.

– Убийство произошло за несколько минут до этого. Соседка поднималась по лестнице, услышала выстрел, – четко, словно докладывая, произносит бывшая сотрудница резидентуры.

– Понятно. Милицию вызывала она?

– Она. Бросилась вниз, и с поста позвонила в райотдел, – рассказывает Варвара Кондратьевна.

– Вниз?

– Конечно. Вы же знаете, дом у нас ведомственный. Внизу сидит сержант.

– Ага, то есть она отсекала стрелявшему путь к отступлению.

– Именно. Вскоре пришла я. Увидев, что Николай Михайлович убит, я позвонила Одинцову. В следственный отдел.

– Да, я знаю.

– Он прислал своего человека. Его зовут Стрельцов Андрей Игнатьевич. Очень приятный молодой человек. Вот вам, кстати, его телефоны: рабочий и домашний.

Варвара Кондратьевна протянула мне листок бумаги, исписанный черной шариковой ручкой. Я не считаю себя светилом в области графологии, но человек, писавший на этом листе, явно обладал широкой душой. И, скорее всего, твердым характером.

– Он приехал практически одновременно с милицией...

Я удивленно поглядел на свою собеседницу. Судя по тому, как близко находился дом Рыбакова от райотдела милиции, и как далеко от Генпрокуратуры, сотрудники внутренних

органов должны были идти прогулочным шагом, а этот самый Стрельцов не иначе, как лететь на вертолете.

– Старший лейтенант милиции в присутствии понятых и представителя ФСБ осмотрел место происшествия и констатировал самоубийство.

– Гм. Это, в общем-то, не их дело. Здесь решает судмедэксперт. Странно, но в целом не выбивается из ряда странностей, которыми окружено наше дело. А что этот самый следователь?

– Он заявил, что располагает фактами, говорящими о том, что эта смерть самоубийством быть не может.

– Очень хорошо. И что это за факты?

– Я у него не спрашивала. Лучше вы это сделайте сами. Но одно я могу сказать точно: револьвера, из которого «застрелился» Николай Михайлович, в доме никогда не было.

Да, это было именно так. Николай Михайлович Рыбаков был большим любителем и знатоком огнестрельного оружия. Его коллекция насчитывала несколько десятков стволов. Здесь были и американские кольты, и итальянские «Беретты», и чешские «ЧЗ», и красавец «Маузер» в деревянной кобуре. Был и наган, но другой модели. Старый, с вырезным окошечком на барабане. Много чего было в коллекции генерала Рыбакова. Пластиковый пистолет «Глок-17», короткоствольный «Вальтер», принадлежавший некогда Шелленбергу, и свой именной «Браунинг». Но револьвера, с помощью которого он якобы решил свести счеты с жизнью, там не было.

– Да. Мы это тоже заметили. Кстати, где сейчас этот револьвер?

– Генпрокуратура открыла дело, так что он приобщен в качестве улики.

– Понятно. А потом, стало быть, дело прикрыли...

– Увы. Одинцов перезванивал ко мне и сообщил, что таково решение генерального прокурора, – она грустно посмотрела на меня. – Несправедливо все это получилось.

Можно подумать, что где-то и когда-то с разведчиками поступали справедливо. Их ненавидят враги и опасаются те, ради чьих интересов они рискуют. Ничего не меняется в этой ситуации с тех пор, как первый разведчик, натянув на себя шкуру пещерного медведя, полез выяснять возможность дислокации своего племени в окрестных пещерах.

– Надеюсь, нам удастся исправить эту несправедливость.

– Это было бы очень хорошо, – голос Варвары Кондратьевны наполнился горькой теплотой. – Однако и ты, и Валера, и Витя Талалай, да, в общем-то, все вы подвергаете себя большому риску.

– Это как раз нормально. Это в порядке вещей. Знать бы только, ради чего?

В машине повисла минутная пауза. С этим «ради чего» последнее время были большие трудности. Ни за царя, за Родину, за веру, ни за дело Коммунистической партии рисковать головой больше не было смысла. Оставалось пока – за Родину, за великую Россию. И этот лозунг каждый понимал по-своему. Поэтому, единственное, что оставалось нам, быть не за «красных» или за «белых» – за своих.

– Кстати, Варвара Кондратьевна, скажите пожалуйста, вам знаком Алексей Горелов?

– Алексей Горелов? Ну конечно. Мы работали вместе с ним в конце семидесятых в Вашингтоне.

– Он был из наших, или...?

– Из наших. В тот момент он, по-моему, был капитаном Госбезопасности. Потом, когда засылка прошла успешно, ему присвоили звание майора.

– Вы в этом уверены? – все ещё не рискуя верить в правильность бирюковских расчетов, переспросил я.

– Абсолютно. Я же была шифровальщицей резидентуры.

– Великолепно! Может, вы тогда знаете, кто курировал эту операцию?

– В Вашингтоне – Николай Михайлович. А здесь в Москве... – она пожала плечами. – Позывной: «Жером».

– Ну да, конечно. Тогда вот ещё что. Вы не знакомы с сыном Алексея Горелова – Тарасом?

– Видела его несколько раз, но очень давно. А почему это вас интересует?

– Да есть тут кое-какие заметки, – замялся я.

– Хорошо. Не хотите, не говорите. Я все понимаю. И вот ещё что, Саша, – неожиданно улыбнулась Варвара Кондратьевна, – мне сегодня действительно необходимо добраться до Лубянки. А поэтому, давайте направимся туда, покуда не стемнело. В противном случае, я рискую никого не застать.

* * *

– Всего доброго, Варвара Кондратьевна, вы очень помогли следствию.

Смотрю на часы. До установленного момента парковки у «Праги» ещё полтора часа. Есть время покататься, подвести честной народ. В этот момент оживает радиостанция.

– Старина, у тебя все нормально? – Это Валера. – Он и Тагир ведут меня по всему маршруту. То слева, то справа появляются их автомобили. Сейчас красный «BMW» маячит метрах в тридцати позади меня.

– Да, беседа прошла в атмосфере взаимопонимания.

– Много интересного?

– Не то слово.

– Это хорошо! Но я тебе ещё одну интересную вещь скажу. У тебя на хвосте уже минут двадцать тащится серый «жигуль».

– Спасибо, я знаю.

«Друзей народа» я действительно заметил давно. Шли они не скрываясь, что называется «след в след». Интересно, кто такие? На ребят из конторы Скороходова не похоже. Те работают чище, да и меньше, чем в три машины не водят. Эти, скорее всего, действительно считают меня таксистом. Хотя все равно не понятно. Зачем столько времени тащится следом, если можно было давным-давно организовать левого гаишника. Очевидно, надеются, что я их на кого-то выведу? Ну, надейтесь, надейтесь. Выведу я вас – обратно бы дорогу найти.

Красный «BMW» обгоняет мою «Волгу» и уходит вправо в переулок. Через пару минут я уже замечаю, как в соседний ряд перестраивается «Опель» капитана Насурутдинова. А серый «жигуль» все дышит в спину, что олененок Бемби в хвост матери оленихи. Вот барышня на тротуаре голосует. Блузка в обтяжку и юбка адмиральским вымпелом вьется по ветру.

– Куда едем, красавица?

– Сокольники, – коротко отзывается девица.

– Нет проблем. Залазь.

– Сколько будет стоить?

– А это уже как решим. Можно по счетчику, можно – по справедливости.

Ну что, «господа сопровождающие его лица», в дорогу. Надеюсь, вы ничего не имеете против Сокольников?

– А вам господа куда? К трем вокзалам и побыстрее? Да что я, не понимаю? Прокатимся с ветерком...

Катимся к Казанскому вокзалу. Почти как правительственный кортеж. «Волга» – «Жигуль», «BMW» – «Опель», «Опель» – «BMW».

– Мадам, не просите и не уговаривайте, я не поеду в Черемушки. Почему? Потому что смена у меня заканчивается, а до Черемушек чесать и чесать. А вы, монсеньер в тубетейке, чего желаете? Арбат? Это правильно. Арбат – одно из самых величайших достопримечательностей нашей, а бывшей и вашей Родины. Согласно книге рекордов Гиннеса, по количеству

матрешек на душу населения, она превосходит всю остальную Европу вместе взятую. Что? Вы говорите, там такого нету? Видимо, вам попалось устаревшее издание. Пожалуйста, вот вам Арбат... и вот нам ресторан «Прага».

Без пяти три. Успел. Прекрасно. И вся моя рать в сборе. Снова Валерин голос:

– Ну что, командир? Что с хвостом делаем?

– Рубим по самые уши. Работаем так: я сейчас ставлю машину и навожу марафет. В салоне протру, чтобы пальчиков не было. Салон окроплю внутри, ну, и там стекло, зеркала, как положено. Если джентльмены захотят познакомиться – схема «захват», нет – я банально уведу их за собой и потеряюсь по дороге.

Ну вот и приехали. Ищу свободное место для стоянки... Внутренняя приборка. Одеколон. Запах его – гениальное изобретение наших парфюмеров. Люди от него нос воротят, а собаки, так те просто в обморок падают. Ну вот, вроде бы никаких следов моего пребывания не осталось. Исключая, конечно, запах. Но его, как говорится, к делу не подошьешь. Выхожу из машины. Запираю дверь. Протираю лобовое стекло. Зеркало заднего вида. Ну что? Подойдут или не подойдут? А! Вот они движутся. Холеные, самоуверенные. явно не топтуны. Ребята из наружки эдак «королями жизни» не ходят. Их без должной сноровки и одного из десяти в толпе не разглядишь. Ничего. Сейчас у вас спеси поубавится.

Вот старший в карман полез. Сейчас ксивой светить будет. Тру себе зеркало, да насвистываю мотив из «Красотки». Вот она, отеческая рука Госбезопасности на непутевом плече! Поехали! Правой рукой запястье незваного гостя в захват, локтем левой ему – под ребра. Поворот вокруг своей оси и голова преследователя, с выпученными глазами и открытым ртом, бьется о капот «Волги». Напарник его пытается поднять руку, чтобы выхватить пистолет, спрятанный в наплечной кобуре, но валится, не охнув, получив удар основанием ладони по ушам от капитана Насурутдинова.

– Спокойно, спокойно граждане. Не толпитесь, – вещает майор Пластун, размахивая в воздухе закрытым удостоверением. – Операция ФСБ.

Ну что ж, чистая правда. Встревоженный было обыватель, удовлетворенно шествует по своим делам. И ему будет что рассказать дома. Он воочию наблюдал несокрушимую мощь наших карателей. «Щелк, шелк». Наручники намертво схватывают запястья незваных визитеров. Тагир, жестом фокусника, извлекает табельные стволы моих преследователей, как бы демонстрируя явную злонамеренность поверженных темных личностей. Задержанные влетают на заднее сидение собственных «Жигулей». Мы следуем за ними. Вся операция заняла чуть больше минуты. Хороший результат! В дальнейшем путешествии мы составим компанию нашим приятным, хотя ещё не знакомым почитателям. Кстати, самое время познакомиться. Совершаю экскурсию по карманам, в поисках удостоверений. Капитан Калмыков, старший лейтенант Нечитайло. Ну что ж, приятно познакомиться. Надеюсь, взаимно.

– Куда едем? – поворачивается ко мне Валера.

– На полигон.

Я кладу руку на плечо Тагира:

– Нам понадобится хорошая машина. «Вольво» или что-нибудь из последних моделей «Дженерал Моторс»

– Понятно, – кивает головой он, принимаясь высматривать потенциальную жертву.

– С иностранными номерами подойдет?

– Выше крыши.

У 590-й «Вольво», стоящего на обочине, в номере гордо высвечивает буква «S» – Швеция. То, что надо. Сейчас мы устроим коллегам небольшой скандал. «Жигуль» притормаживает, и Тагир, походкой легкой, как шаг честного человека, выходит на «зверя». Когда капитан Насурутдинов уйдет в отставку, я уверен, ему найдется место, в качестве эксперта фирмы, выпускающей замки и противоугонные устройства. Во всяком случае, я не встречал ещё ни

одного подобного изделия, которое бы не сумел бы уговорить за время горения одной сигареты. Надеюсь, что владелец автомобиля от возмущения не забудет заявить в милицию о пропаже. Ну вот, так и есть. Поблескивающий лаком и никелем суперавтомобиль догоняет выдавший виды трофейный «жигуленок» и прямо сказать, смотрится рядом с ним примерно как дог-медалист с помойным кабыздохом. Тонированное стекло легко уползает вниз, и из окна высывается рука нашего термезского Барса.

– Прекрасно, Тагир, прекрасно!

Тормозим и перегружаем пленников в «Вольво». А теперь очень быстро, пока не хватился хозяин, к выходу из Москвы.

Вот он долгожданный пост ГАИ. Парни в бронезилетах с АКСУ¹³ на плечах, бдительно озирают трассу. Невзрачный драндулет с Валерой за рулем, не вызывает у них ни малейших эмоций. То ли дело наш дорожный линкор... О! Замахал, замахал!

– Сержант Болдырев, – подошедший гаишник поднимает руку к козырьку кепи.

Из водительского окошечка «Вольво» появляется удостоверение капитана ФСБ Калмыкова, вслед доносится шипение.

– Сержант, растворишься, ты срываешь операцию!

Сработало! Вот у нас уже есть свидетели по делу об угоне сотрудниками ФСБ шведского автомобиля «Вольво»

– Все в порядке, проезжайте.

Ну, вот и славно. Дальше уже все спокойно. Дальше – уже сплошные запретные зоны. Вообще, понятие это так же характерно для Подмосковья, как табличка «Не курить» для склада горюче-смазочных материалов. Словно крепости времен былинных, стоят вокруг белокаменной военные и военно-промышленные города, городки, поселки и уж такие глухоманные места, куда ни один Макар без особого допуска никогда телят не гонял. Жуковский, Пушкино, Обнинск, Дубна, Долгопрудный, Дзержинск, Красноармейск, Зеленоград, а ещё Голицыно-2, Дмитров-2, а еще, а еще, а еще... И это все не считая, скажем, наших родных и до боли знакомых полигонов в Балашихе и Суханово.

В первый год после формирования нашего подразделения именно там протекали суровые будни изнурительных тренировок и изматывающего обучения языкам, нравам народов мира, манерам и многому, многому другому, что не входило в программу обучения советских офицеров. Мы тренировались плечом к плечу с представителями едва ли не всех стран и народов, борющихся за что-нибудь или против кого-нибудь. Здесь были ливийцы, пакистанцы, латиноамериканцы, корейцы, в общем, все флаги в гости... Потом, видимо, эта ситуация несколько смутила кого-то из военного начальства и нам был выделен отдельный полигон неподалеку от столицы российского православия.

Нельзя сказать, чтобы до нас здесь никогда не ступала нога современного человека. Боле того, тут, как ни где, чувствовалось его грозная поступь. Кроме тренажеров и времянок, построенных нами, в этих местах имелся ещё целый архитектурный комплекс, не доступный, правда, любопытному глазу. Этажи этого величественного сооружения из монолитного бетона уходили глубоко под землю, образуя сложную систему жилых помещений, залов, переходов, огневых точек, складов – в общем, всего того, что нужно для резервного командного пункта, скажем, на уровне группы армий. Сверху, как я уже говорил, шелестит вековечный лес, в который были аккуратно вписаны наши убогие, в сравнении с подземным великолепием, учебные корпуса. Сюда и лежал наш путь.

Сотрудники охраны заученно попросили выйти всех из машины и, сверив наши документы, дали добро на проезд. Офицеры ФСБ в наручниках и «Вольво» со шведскими номерами не вызывают у них ни малейшего интереса. То есть, не совсем так. Рабочий интерес,

¹³ АКСУ – автомат Калашникова, складывающийся, укороченный.

конечно же, есть. Но, проверив чистоту от жучков, скрытых камер и прочих тому подобных сюрпризов, они тут же скрываются в служебном помещении, оставляя нас самих разбираться с нашими делами.

* * *

Валера с трудом поворачивает давно не смазывавшийся штурвал, и с натугой открывает тяжеленную броневую дверь. ФСБшники, подгоняемые Тагиром, понуро заходят внутрь. Кроме них, в помещении нет ничего, голый бетон. О мебели бывшие хозяева как-то не позаботились. Тагир снимает с них наручники, отклеивает лейкопластырь, которым для предотвращения излишних разговоров заклеены рты пленников. Похоже «друзья народа» хорошо осознают глубину задницы, в которой они очутились. Во всяком случае, традиционных вопросов – «кто вы такие?» и «как вы смеете» – не слышно. Оно и к лучшему. Сразу перехожу к делу.

– Ребята, в передрагу вы попали в пресквернейшую. Мы ничего не имеем лично против вас, но нас очень интересует ряд вопросов. В частности: кто и почему отдал приказ следить за вдовой генерала Рыбакова, что вообще из себя представляет дело Рыбакова. Четко и подробно: что, почему, что слышали, кто сказал. В общем, факты, имена даты, не мне вас учить. Пишите все по установленной форме, на имя начальника Федеральной Службы Контрразведки. Чтоб у вас не было никаких иллюзий. Сейчас я выдам вам бумагу и ручки, а так же запас сухарей на один день. У вас есть выбор. Либо вы пишете все, что знаете, тогда у вас появляется шанс сохранить себе жизнь, либо играете в героев-подпольщиков, тогда я закрываю эту дверь, и больше о ней не вспоминаю. Через сколько лет её откроют вновь – одному Богу известно.

В глазах у Калмыкова я читаю ужас. Похоже, они не склонны сомневаться в искренности моей речи. При случае они поступили бы точно так же. Ибо, как гласит железный закон любой секретной службы: «Никогда не убивай человека, если того не требует дело, и никогда не щади его, если дело этого требует».

– Надеюсь, до завтрашнего утра у вас хватит времени, чтобы связано изложить свои мысли. А сейчас – я кладу перед ними на пол стопку бумаги, пару авторучек, десяток сухарей и два пластиковых стакана. Тагир молча подает мне принесенную заранее бутылку «Абсолюта», откручивает крышку и прозрачная струя устремляется в одноразовый стаканчик. – Это хоть как-то предаст вам сил и скрасит одиночество. Пейте спокойно. Это не отравка. Чистейшая водка. Счастливого оставаться. До завтра.

Завтра водка уже не будет чистой. Это факт. Но что делать? Таковы правила игры. Попался – терпи. Если дырка в голове – поздно пить зеленку.

Глава 7

Я въехал в Москву со стороны Шереметьева-2. Оставив серый «жигуль» ФСБшников на стоянке возле аэропорта, я сдался на уговоры одного из частных водителей, предлагающих пулей доставить в любой конец Москвы, и, войдя в долю с парой челноков, возвращавшихся из забугорной поездки покатил в первопристольную, растворяясь в нескончаемом потоке приезжающих и провожающих. Я помог своим соседям разместить в багажнике и салоне неподъемные баулы с товаром, вполне пригодные для баррикадных боев и откинулся на сиденье, расслаблено слушая болтовню своих попутчиков. Судя по долетавшим до меня фразам, их поездка вполне могла считаться удачной. Но, что бы ни везли они в своих объемистых сумках, несколько листков бумаги, лежавших в обыкновенной кожаной папке у меня на коленях, стоили гораздо больше. Во всяком случае для меня и моих друзей. В этих нескольких листках содержались откровения Калмыкова и Нечитайло, прямо и недвусмысленно указывающие на человека, отдававшего им приказ. Это было крупной удачей. Пожалуй, самой крупной с начала нашей операции. Человека, чье имя содержалось в этих чистосердечных признаниях, я знал. Знал не то чтобы близко, но давно. Его карьера была так сказать, воплощением заветной мечты того самого солдата, который мечтает стать генералом. Наш новый пациент таковым уже был, и звали его Тимофей Банников.

В начале восьмидесятых, уж и не знаю, по каким причинам, Фортуна улыбнулась молодому особисту капитану Банникову, и с тех пор до нынешнего дня эта улыбка не сходила с лица богини удачи.

Одним росчерком кадрового пера Тимофей Прокофьевич Банников сменил северное сияние Северодвинска на белые ночи Ленинграда и, утешившись по случаю такой потери майорскими звездами, рьяно взялся за дело искоренения скверны инакомыслия в рядах Балтийского Флота. Охотничьи инстинкты верного дзержинца привели его к воротам Михайловского замка¹⁴, но отнюдь не для того, чтобы воочию полюбоваться немым свидетелем заговора времен былых, а с целью вскрыть ростки нового заговора против всего того, что было дорого сердцу каждого честного коммуниста.

После выходки капитана III ранга Саблина, пытавшегося угнать в Швецию большой противолодочный корабль, компетентные органы настороженно поглядывали на балтийское морское офицерство, пуще всякого урагана опасаясь нового скандала в «колыбели революции». Поэтому лозунг: «Бди!» был горящими буквами запечатлен в сердце каждого военного чекиста, словно слова древнего библейского пророчества.

Неуемная бдительность помогла вновь прибывшему майору Банникову разглядеть то, что укрылось от неусыпного ока его коллег. В двух шагах от Ленинградской военной комендатуры, под сводами Михайловского замка располагалась литературная студия, носившая горделивое название: «Путь на моря». В стенах её собирались офицеры Балтийского флота, Ленинградской Военно-Морской базы и округа – все те, кому не давал покоя несмолкающий стук копыт легкокрылого Пегаса. Уж и не знаю, висит ли там мемориальная доска в честь того, что из её стен вышел один из основателей куртуазного маньеризма Константин Григорьев, но дело в сущности не в этом.

Одному из посещавших эту студию молодых капитан-лейтенантов пришла в голову светлая мысль в стройных рифмованных строфах отразить образы императоров и императриц всея Руси от Петра I и вверх, до Николая II. Не ведаю, как обольстительно улыбалась морскому волку ветреная муза, не знаю, о чем он думал, сочиняя эту «социально чуждую фальшивку» и раздавая участникам обсуждения распечатки стихов, но уже на следующее утро один из экзем-

¹⁴ Михайловский замок – место убийства имп. Павла I.

пляров их лежал на столе у майора Банникова, который, как и положено, делал «соответствующие выводы».

Все осложнялось тем, что в число участников студии входил ряд высокопоставленных офицеров политотдела базы, в литературоведческом запале обративших большее внимание на огрехи в рифмах и образах, чем на политическую подоплеку этих произведений.

И полились чернила. До крови, правда, дело не дошло. Слава Богу. А не то имелось бы у нас что-нибудь вроде «второго кронштадтского заговора». В середине восьмидесятых, при вольнодумном Михаиле Сергеевиче дело прекращено «за отсутствием состава преступления», но высокий профессионализм Тимофея Банникова был по заслугам оценен руководством. Одна звезда, украшавшая лыжню на его погонах потеснилась, давая место второй, а когда нанятый КГБ ас-недоучка Матиас Руст устроил авиашоу на Красной Площади, расчищая дорогу очередной команде, желающей проводить «генеральскую линию партии», то поднатеревший в раскрытии военных заговоров подполковник был переведен в Москву, в третье главное управление для продолжения своей бескомпромиссной борьбы с внутренними врагами Отечества.

Август девяносто первого уже застал Тимофея Прокофьевича обремененного полковничьими звездами, но, невзирая на высокий пост и ранг, он участвует в «танковом десанте», расположившись на броне рядом с первым российским президентом и генералом Бумазеевым. Поговаривали, что именно звонок этого генерала определил политические убеждения Банникова в тот день, но это были только разговоры.

Мы встретились с ним 19 августа 1991 года. Там же, у президентского танка, и это была вторая наша встреча. Первая состоялась почти десять лет назад, в Питере, все из-за того же злополучного дела «флотских монархистов». Дело в том, что командир моей роты, капитан Завгородний, так же страдал поэтическим зудом и время от времени проводил свободные часы в студии Михайловского замка.

Как оказалось, профессиональная память молодого особиста на веки запечатлела мой образ в своих бескрайних закромах. Разглядев меня в толпе всевозможных солдат и офицеров, окружавших танк, он на секунду сдвинул брови на своем фокстерьерьем лице и тут же по братски хлопнул меня по плечу.

– Постой-постой, капитан, ты часом не с Балтики?

– С Балтики... – несколько замямившись, ответил я, с трудом сопоставляя образ пламенного радетеля Коммунистической партии, в кабинете которого мне как-то пришлось провести три часа кряду, с образом стойкого борца за Свободу и Демократию, оборонявшего нынче Белый Дом.

– Лукин, спецназовец! – продолжал демонстрировать свои профессиональные качества Банников.

– Так точно, товарищ полковник.

– Вот и отлично, мне как раз такие ребята и нужны. Я тут, видишь ли, отвечаю за безопасность правительства России. А подготовленных людей, вроде тебя – раз-два и обчелся. Так что считай, что поступаешь под мое командование. Набери себе группу человек десять. Где оружие получать, знаешь?

– Так точно.

– Молодец. Чувствуется хватка. В общем, снаряжайтесь. Я укажу вам ваш сектор обороны. Власенко! – позвал он. Откуда то из под танка выскочил молоденький гэбэшный лейтенант. – Сопроводи капитана. Пусть ему выдадут все, что надлежит.

Ситуация складывалась презабавнейшая. Утром 19 августа в Фарисеевский переулок прибыл вот так же вышколенный адъютант Крючкова с приказом спешно подготовить и провести операцию по захвату Белого Дома. Наш генерал хмуро выслушал штабного хлыща и четко заявил ему, что, во-первых, возглавляемый им Центр подобными вещами не занимается, а,

во-вторых, он подчинен непосредственно Президенту страны, и приказы мятежников, в каком бы высоком они ранге не находились, выполнять не намерен. Тогда адъютант пригрозил, что Центр будет блокирован танками. «Ну, ну», – сказал генерал, и приказал взять изменника Родины под стражу. И каждый из нас понимал, что это «ну, ну» весит больше всех сановных угроз. Сменив обычные гражданские костюмы на военную форму, часть наших офицеров, в том числе и я, отправились в город на разведку. Пару раз меня останавливали военные патрули, но, проверив документы, пропускали, не сказав ни слова. Создавалось впечатление, что они сами четко не представляют, что должны делать и кого ловить. В городе, в котором было сконцентрировано военное руководство Вооруженными Силами страны, в городе с огромным гарнизоном и десятком новых свежевведенных дивизий, похоже, отсутствовало что-либо, похожее на единое командование. Вообще же этот, с позволения сказать, путч оставлял в душе неизгладимое впечатление чего-то бутафорского. Такая себе грандиозная комедия... Если бы не невинные жертвы, если бы не далеко идущие последствия.

Полковник Банников, получивший за победу над несметными полчищами ГКЧП генеральские эполеты, провозглашал тосты на сабантуе воинов-защитников Белого Дома и приглашал их всех, «ежели что – по любому вопросу лично к нему».

Похоже, вопросы накапливались.

* * *

Капитана Бирюкова на месте не было. Впрочем, как и майора Пластуна. Голодный Раджив возмущенно верещал, требуя если не дежурный сухпай, то хотя бы кобру на растерзание. Оставленная моими друзьями записка, содержащая обещание явится к вечеру, немного прибавила к пониманию ситуации. Офицер, дежуривший по Центру, заявил, что капитан Бирюков разоделся как на свадьбу, и убыл вместе с майором Пластуном в неизвестном направлении, прихватив с собой служебный «Мерседес». Я озадаченно почесал голову. Судя по антуражу, мои друзья собирались погрузиться на самое дно нашего нового экономического Олимпа. (Если вы думаете, что я не знаю, что Олимп – гора, то глубоко ошибаетесь. Но наш, российский, вместе с его обитателями неотвратимо хочется поместить значительно ниже уровня моря).

Так вот, взяв породистого рысака, из опять же «барских конюшен», господ офицеры отправились по следам команды Кусто, щупать за жабры одного из толстых пальцеверных сазанов. Я подозреваю – Тараса Горелова. Мне ничего не оставалось, как, передохнув с полчаса и выпив дежурную чашечку кофе, отправится к начальству с докладом. Выслушав изложенную мной информацию, полковник Талалай на пару минут задумался и, устало потеряв виски, произнес:

– Саша, вся операция распадается на два основных стратегических направления. Направление первое. – Он взял со стола авторучку, и сделав ей неопределенное движение в воздухе, словно указывая это самое направление, положил её обратно. – Кто стоит за убийством генерала Рыбакова? Я более чем уверен, что здесь* * * * * и отчасти работали вместе, ещё ни чего не значит. Таких людей в управлении десятки. Но – это на ваше усмотрение.

– Виктор Федорович, – поспешил вставить я свою фразу в речь начальства, – вы не знаете, у кого в конце семидесятых и в начале восьмидесятых был позывной «Жером»?

Талалай испытующе посмотрел на меня:

– Шутишь? Если он не засветился, то все сведения о нем лежат под грифом «сов. секретно», и уж если когда и всплывут, то можешь смело считать, что ни кого из агентурной сети этого самого «Жерома» в живых уже нет. Хотя, – он печально вздохнул, – нынче это не факт. Нынче торгуют всем. Ладно. Оставим в стороне безрадостные картины нашего бытия, и вер-

немся к делу. Направление второе. Убийца. Здесь вам в помощь этот парень из прокуратуры. Как, бишь, его фамилия?

– Стрельцов, – подсказал я.

– Стрельцов. Одинцов рекомендовал его, как следователя упорного и сообразительного. Надеюсь, что он не ошибся. Во всяком случае, с Одинцовым я договорился. С сегодняшнего дня Стрельцову предоставлен двухнедельный отпуск по семейным обстоятельствам. За это время убийцу надо найти. Вынуть из него все, что он знает. И уничтожить. Все понятно?

– Так точно, товарищ полковник! – вытянулся я.

– Не безобразничай. Садись, – остановил меня отец-командир. – Для успешного решения поставленных перед твоей группой задач, в твоём распоряжении все средства и возможности Центра. Не жмотись. Если нужно, то нужно. Но и попусту деньгами не сори. Нам все эти купеческие навороты не по чину. Ладно. Действуй. Я в тебя верю.

Разрешение пользоваться всеми средствами Центра во многом развязывало руки. Мысль о том, что Комитет Государственной Безопасности и Главное Разведывательное Управление являются своеобразными государствами в государстве, давно уже стала общепринятой. Это не совсем верно. Обе эти организации ни коим образом не замыкаются в границах бывшего Советского Союза, а, следовательно, являются сверхдержавами. По всему миру им принадлежат банки и отели, корабли и самолеты, газеты и телеканалы и многое другое. Можно было бы, конечно, сослаться на отсутствие территории у этих государств, но если учесть, что обе эти государства-призрака являются крупнейшими земельными собственниками в мире, подобные доводы звучат как-то хлипко.

На фоне этих гигантов наш Центр несколько терялся. Но, тем не менее, его «суверенитет» поддерживался вполне солидной финансовой базой, своей подвижностью и недвижимостью. Как я уже говорил, изначально наше спецподразделение не было рассчитано для ведения боевых действий внутри страны. Согласно замыслам руководства Союза, мы должны были решать «наболевшие» вопросы любыми удобными для этого средствами вне его границ. Естественно, для этого нужны были средства, и не менее естественно, для этого нужны были люди, никоим образом не связанные с «Союзом нерушимым республик свободных». Для того, чтобы отправить в отставку правительство, подвести под монастырь не в меру бойкий концерн, устроить небольшой переворот, нужны были люди, носящие фамилии Джонс или Смит, но уже никак ни Лукин, или Пластун. Поэтому и приходилось жить нам двойной, а то и тройной жизнью, время от времени, появляясь в рубрике «Светской хроники», различных газет мира.

В отличие от нас, наши западные двойники были вполне состоятельными людьми. Скажем, то же майор Пластун в бытность свою преуспевающим западным бизнесменом владел ранчо в Техасе и лесопилкой в Квебеке.

По ряду причин, бухгалтерия не начисляла доходы от всех этих «объектов предпринимательской деятельности» нам в зарплату. Но в сумме, они составляли финансовые возможности Центра. Возможности, как я уже говорил, не малые.

Бирюков и Пластун ввалились ко мне, когда я досматривал криминальные новости. На этот раз телевизионщики порадовали жителей столицы свеженькой сенсацией: «На тридцатом километре Успенского шоссе пьяный водитель не справился с управлением „Вольво-590“, на полной скорости слетел с трассы и врезался в дерево». Банальное, в сущности, дорожно-транспортное происшествие осложнялось некоторыми «но». Во-первых: автомобиль был угнан, и принадлежал крупному шведскому предпринимателю. Во-вторых: сидевшие в машине водитель и пассажир, были офицерами ФСБ. Их документы и оружие были обнаружены там же в машине. Было и в-третьих, он об этом дотошные журналисты ещё не знали.

Позвонивший с трассы Тагир сообщил, что все в порядке. Оба пострадавших доставлены в Склифосовку с повреждениями средней тяжести, так что наступившую амнезию можно вполне списать на последствия черепно-мозговой травмы.

«Такие вот дела», – как говорил один мудрец. Что толку пенять на суровость законов тайной войны. Когда-нибудь придет час, и мы сами сполна хлебнем этой суровости. Поднявший меч от меча и погибнет.

Пластун и Бирюков ввалились в комнату, радостные и явно удовлетворенные результатами своей поездки.

– Это наши, что ли? – ткнул пальцем Валера в экран телевизора.

– Они, – подтвердил я.

– Живы?

– Да. Побились чуток. «Вольво» – хорошая машина, безопасная.

– Ну, и слава Богу! Жаль, конечно, ребят. Они, в сущности, на подхвате. Но, что поде-лаешь, за ошибки бьют.

Слава Бирюков возник в дверях моей холостяцкой хибары, излучая свет и великолепиие. Он был импозантен, словно яхта британской королевы, среди рыбачьих лодок. Его темно-синий костюм, казалось, был только что похищен с выставки последней парижской моды, и запонки на манжетах сверкали бриллиантовым блеском, неуловимо напоминая о морозах и северном сиянии Якутии.

– По какому поводу маскарад? – поинтересовался я, оглядывая своего друга с ног до головы.

– Паргдон? – произнес капитан Бирюков, невыразимо грассируя на букве «р».

– От «пардона» слышу, – буркнул я.

– Все трэбьен, друзья мои.

– То есть – шерами! – вмешался Валера. – Ладно, Славон, прекращай изображать Дюка Ришелье, и поведай командиру о наших похождениях.

– Хорошо, – Бирюков уселся на диван и с видимым удовольствием начал стаскивать до одури изящную удавку галстука. – Пока вы там джеймсбондовали, громили феэсбешников и угоняли иномарки, я сидел в конторе и размышлял о Гореловых.

– Да, кстати, – перебил я. – Ты был прав. Алексей Горелов действительно из «кротов»¹⁵.

– Вот и прекрасно. Так вот. Меня заинтересовала схема экономического устройства Дома «Горелов и сын».

– И как успехи?

Слава пожал плечами.

– Довольно посредственно. Я просидел целый день, изучая архивы, пытаюсь восстано-вить последовательность действий, приведших Тараса Горелова на вершину коммерческого Олимпа. Сведения, прямо скажем, скудные. После измены отца, Тарас Горелов меняет фами-лию отца на фамилию матери. Становится Лаврентьев.

– Это для нас важно?

– Как оказалось – да. Он оканчивает Бауманку и, получив диплом инженера-механика, распределяется на номерной завод в Тенишево.

– Тенишево, Тенишево... Это танкоремонтный, что ли?

– Он самый. В начале восьмьдесят девятого главный механик завода Т.А.Лаврентьев ста-новится его «красным директором».

– На выборных началах?

– Именно. Для военного завода – нонсенс, но наверху, похоже, никто не возражал. Чем он занимался дальнейшие полтора года, я сказать пока не могу. Но в дальнейшем, его фамилия всплывает в списке соучредителей «Мегаполис Банка». Так же, соучредителем этого банка является российское представительство кипрской фирмы «Оушен меканик индастриал».

– Ну и что?

¹⁵ Крот – сленговое название разведчиков-нелегалов.

– Да, в общем-то, ничего, – глядя на меня с нескрываемым превосходством хорошо информированного человека, произнес капитан Бирюков, – кроме того, что в восемьдесят седьмом году она была куплена американским концерном...

– «Эй Джи спешел меканикс», – догадался я.

– Верно. И так, в начале девяносто первого года «Мегаполис Банк» выдает крупные кредиты под правительственную программу конверсии.

– Понятно, – прервал его я. – Август девяносто первого, нет правительства, нет возврата кредитов.

– Ясновидец, – усмехнулся Бирюков. – Но я тебе скажу ещё об одном исчезновении. В это же время из всех коммерческих изданий исчезает фамилия Лаврентьев.

– И появляется фамилия Горелов.

– Именно. Причем, заметь, генеральный директор «Мегаполис банка» через неделю после банкротства получает пулю в затылок у входа в подъезд собственного дома, главный бухгалтер исчезает бесследно. А новоиспеченный Тарас Горелов становится председателем правления инновационного коммерческого банка «Росконверсия».

– Ты подозреваешь его...

– Нет. Для этого у меня нет весомых оснований, а уж тем более, никаких улик. Я просто обращаю твое внимание на имеющуюся в деле цепь совпадений.

Это вообще особенность мышления Славы Бирюкова. Любой факт, а уж тем более цепочка фактов, попав в его поле зрения, обречены быть объектом пристальнейшей разработки вплоть до выжимания из них последней капли информации.

– Хорошо, продолжай, – поощряю я умственные изыски нашего аналитика.

– Продолжаю. Банк уже в открытую сотрудничает с концерном Горелова-старшего. В частности, он имеет лицензию на продажу «Эй Джи спешел меканикс» списанной военной техники Северной и Западной группы войск... Понятное дело, что вырученные деньги идут на финансирование конверсионных программ. На прямую этими программами занимается фирма «Приватир-Инвест».

– Генеральный директор – Тарас Горелов.

– Bravo. Твоя логика безупречна. Так вот. Меня очень заинтересовало, какие именно программы курируют с этой фирмой.

– И что? – с замиранием сердца спросил я, понимая, что мой друг нащупал нечто весьма важное.

– Я решил провести разведку боем.

– Это понятно.

– Мне пришло в голову, почему бы моей консалтинговой фирме «Даймонд лей», Антверпен, Бельгия, не заинтересоваться российскими рынками.

– Ты решил помочь Горелову с иностранными инвестициями?

– Да, что то в этом роде. Я с моим водителем, телохранителем и переводчиком приехал в банк и провел первый раунд переговоров, – держа пальцы для ориентировки по трем векторам, как бы невзначай роняет мсье Бирюков.

– Ну, давай, выкладывай.

– Да что выкладывать? В первом приближении все не просто пристойно, но и вполне почтенно. Перепрофилирование предприятий военно-промышленного комплекса, переоборудование и распродажа излишков военной техники, в общем, сплошь общественно-полезный труд.

– Не темни. Выкладывай, что ты там нарыл.

– Рыть придется вам. А я почуял запах, – водит перед моим носом своими изящными пальцами капитан Бирюков.

– Запах чего? – словно не замечая этого, интересуюсь я.

– Больших денег. Одно из главных достижений наших подследственных – это перевод в мирное русло Тенешевского танкоремонтного завода. Ныне такового уже не существует. Есть автосервисное предприятие и механический завод. Причем, в отличии от многих предприятий, ныне простаивающих, эти работают полным ходом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю. Если удастся доказать, что завод по-прежнему продолжает заниматься танками, то похоже, что Горелов-сын пошел по стопам своего отца, и мы нащупали один из каналов массовой торговли оружием.

– Заметь, пока что это все только предположения. Никакого документального подтверждения наших домыслов пока не существует.

– У нас не существует, – поправил я.

– Да, – охотно согласился Слава. – Пока мы имеем только место, где следует копать. Дальше – действовать вам, – он замолчал, задумчиво глядя на мигающий экран телевизора. – Ладно. У тебя-то, что хорошего?

– Смотря что считать хорошим? У меня всплыл генерал Банников.

– Банников? Генерал-лейтенант, заместитель директора конторы? Депутат и президентский советник? – моментально выдал информацию капитан Бирюков, носивший, кажется, в голове все доступные сведения о сильных мира сего. – Занятно, занятно. В гореловской записной книжке его нет. Но это ещё ничего не значит.

– Господа офицеры! – раздался из кухни насмешливый голос шофера, телохранителя и переводчика – майора Пластуна. – Если вы соблаговолите оторваться от своих изысканий, то я вам докладываю, что поздний ужин готов. Или, скорее, ранний завтрак, – поглядев на часы, добавил он.

руке? Знать бы, о чем он собирался говорить с Николаем Михайловичем. Впрочем, почему собирался? Быть может, говорил. Пока что нам даже неизвестно, был ли он дома у Рыбакова или нет. Ну, ничего. Это как раз не проблема. Сегодня Слава разузнает о нашем неизвестном контрразведчике максимум того, что можно разузнать, не привлекая лишнего внимания. Это он умеет.

Вроде все? Нет, не все. Конечно не все! Есть ещё темная лошадка. Цельный конь! Темный, как дело измены и совесть тирана одновременно: «Жером». Но о нем неизвестно пока почти ничего. Кроме того, что он вел в Москве операцию по внедрению Алексея Горелова. Не густо. Тень журавля, летящего в небе. Даже не тень, а память о тени. Конфронтационная карта на него пока что практически пуста¹⁶.

Ладно, не будем возводить воздушные замки и займемся теми, кто у нас есть. Сухорук? С этим пока все ясно. Банников? Что ж, похоже придется подновить старое знакомство. Тем более и официальная ширма есть. Может быть, их высокопревосходительство порадеет за боевого товарища. Глядишь, на работу устроит. – Эта мысль меня весьма позабавила. В голову почему-то сразу пришел капитан Кольцов в адъютантских аксельбантах. «Здесь продается славянский шкаф?».

Шкаф уже продан и идти к Банникову кроме меня, в общем-то, некому. Кто ещё у нас в программе? Следователь и Горелов-младший.

С первым понятно. Туда пошлем Тагира. Пусть разведает кто да что. Следователь – фигура свеченая и если за нами действительно следят, или точнее, если следят действительно за нами, то там «око недреманное» обязательно должно наличествовать. После наших разборок с коллегами из ФСБ, так и подавно. Тут уж хоть пой, хоть пляши, а с этим самым Андреем Стрельцовым встретиться нам придется, следовательно, как в той старой байке о методах ловли льва в пустыне: сядь и жди, покуда лев не пройдет мимо. Но здесь, как водится, кто кого. А вот Горелов?

Это фрукт ещё тот. И деньги за ним стоят немалые и с кадрами у него проблем нет. А они, как ни крути решают все.

Поди ж ты, разберись в его игре да не его поле. Ко всему, на это поле ещё попасть нужно! Славка, конечно, молодец. Пришел, увидел, победил. Взял на арапа, но это только вершина айсберга. А где он весь, остается только догадываться. Вот теперь играй в угадайку, в каком месте уткнешься лбом в стену. Что будем делать, господа многоуважаемые кроты? Можно конечно продолжить игру с консалтинговой фирмой «Даймонд Лэй», благо принадлежит она Алексу Даймонду, в быту отзывающемуся на имя Вячеслав Бирюков, но боюсь, что КПД от этого будет маловат. Товар лицом нам в сущности не нужен. А то, что нас интересует скорее всего спрячут за семь замков. Нет! Здесь нужен другой вариант. Вопрос – какой?

Хорошо бы конечно, если бы этим делом занялись борцы с экономической преступностью. В сущности, это их прямая обязанность. Так ведь не займутся. Здесь игра крупная. Экономические скандалы случаются только как побочные явления закулисной политической игры. Самое интересное, как известно, происходит за кулисами. Но даже если допустить, что одна группировка в пику другой натравила бы ищеек на «Приватир-Инвест», его филиалы и дочерние предприятия, если допустить, что они нарыли достаточно материала для дальнейшей разработки – с нами-то никто плодами поисков делиться не собирается. Тайна следствия! Мать его! Здесь либо официальный запрос подавай, либо нужен свой человек в ставке. Ну, с запросом понятно. Официальной путь нам заказан. А «наш человек в Гаване»? М-да, приходится констатировать, что своего человека тоже нет. Хотя...

Почему нет? Птаха!

¹⁶ Конфронтационная карта – своеобразная анкета в которой в виде ответов на ряд (около 70) вопросов располагается вся имеющаяся о противнике информация.

* * *

За стеной ужасно взвыл лифт, карабкаясь вверх по своей узкой шахте, взвыл, заставляя невольно насторожиться: «Не ко мне ли?» Нет, не ко мне.

Я блаженно откинулся в кресле, вспоминая нашу первую встречу.

Был прекрасный майский вечер. Москва в кои-то веки пахла жасмином и сиренью, окна старых домов заговорщически подмигивали, вдохновляя на гусарство и беспричинное веселье. Арбат был так заставлен картинами, что невольно казалось – художественный музей вышел на прогулку. Буйство красок по мере движения сменялось буйством звуков, извлекаемых хипующей молодежью из подручных и подножных музыкальных инструментов. Мир был молод и хорош собой и слово: «демократия», произносимое в те времена ещё без буквы «р» в первом слоге, заставляло сердце учащенно биться, почти как признание: «Я вас люблю!»

Не помню уж, какого лешего служебная необходимость занесла меня к величественному зданию из стекла и бетона, контролирующему господствующую высоту на Арбатской площади, но возвращался я оттуда спокойный и безмятежный, вспоминая воспетый Окуджавой Старый Арбат как норму жизни и образец для подражания.

Где-то здесь, между картин неизвестных авторов, время от времени стоял лоток с раскрашенными оловянными солдатиками дивной работы. Держал его племянник замечательного знатока военной миниатюры и геральдиста Петра Космолинского. Впрочем, кто знает: может, он и не был его племянником, но, тем не менее, в истории военного искусства этот молодой человек разобрался преизрядно. Время от времени, мы часами обсуждали, скажем, неудачные действия кавалерии в Брусиловском прорыве или действие Наполеона при Ватерлоо, до хрипоты споря о маневре маршала Груши...

В это вечер его не было. Огорченно вздохнув, я отправился дальше, задумчиво созерцая, как меняется колорит картин в начинающих сгущаться сумерках... Драка возникла как-то вдруг, так как появляются вулканы в диснеевских мультяках.

Трое парней в светлых футболках, подчеркивающих рельеф их мускулатуры, громили доморощенных рок-светил грандиозно малой звездной величины. Работы для троих здесь было явно маловато. Длинноволосый исходный материал был идеально приспособлен для битья и оттого безропотно перелетал из рук в руки, пытаясь прикрыть расквашенный в лепешку нос. Достойный собрат этого горе музыканта лежал на брусчатке под обломками гитары.

– Васек! – крикнул один из амбалов, проводя своей беспомощной жертве, что то вроде корявого маваша в голову. – Лови лярву! Не дай сучке уйти!

Как большая часть перекачанных лохов, он бил медленно и, в общем-то, слабо. И бандитского форсу у него было куда больше, чем техники.

Та, которую командовавший мордovorот наградила нежным эпитетом: «лярва», девчонка лет шестнадцати с огромными серыми глазами и волосами цвета «пожар Москвы», проскочила мимо и, найдя очевидно мою спину вполне достойным укрытием, заорала во всю мочь: «Козлы, гопники, любера хреновы!»

Васек, похоже, не обращавший особого внимания на скромную особу в штатском, преграждавшую ему путь, стрелой бросился выполнять приказ вожака. Приблизившись на расстояние прицельного плевка в глаз, он выкинул вперед руку, собираясь отпихнуть неожиданную преграду в сторону.

– А ну...!

Что хотел сказать он этим своим «а ну», я так и не узнаю вплоть до Страшного суда.

Моя левая рука перехватила его запястье, правая врезалась «крылом бабочки» в основание носа, заставив кровь, смешанную с обломками носового хряща, хлынуть как вода из

пожарного крана. Рука двинулась словно заводная рукоятка, вниз-вверх, по кругу. Тулово, не помышляющее больше об агрессии растянулось на Арбатской мостовой, улучшая оперативную обстановку и портя пейзаж.

Двое сотоварищей Васька, оставив свою жертву тихо доходить у стены дома, бросились на помощь своему братану, попутно высказывая свое резкое недовольство моими действиями. Уж и не знаю, чем там они ему помогли, но судьба их ждала та же, с разницей лишь в способе проведения приговора в действие.

Аплодисментов не последовало. Последовал пронзительный, словно посвист соловья-разбойника, звук милицейского свистка. Два джентльмена в сером резвой рысью выскочили из прелестной подворотни, где вольно бы целоваться возлюбленным и играть детворе, и бросились к нашей живописной группе. При всем моем уважении к блюстителям порядка, встреча с ними в подобной ситуации меня отнюдь не радовала. Тем более, что в кармане моего партикулярного костюма мирно покоилось удостоверение офицера Главного Разведывательного управления, защищавшее от особых неприятностей в милиции, но в полной мере обещающее их «по месту работы».

– Ходу! – я схватил девчонку, азартно пританцовывающую за моей спиной и поволок её в ближайший переулок.

– А...?

– Бог подаст!

Полагаю, она хотела поинтересоваться судьбой своих приятелей. Честно говоря, меня она не занимала вовсе. В общем-то, и до самой девицы мне дело не было, но отдавать эту дерзкую хипушку в руки закона...? Такая мысль мне как-то в голову не приходила. Люблю храбрых людей. Частник, тормознувший нам, с подозрением посмотрел на порванное платье и бисерные браслеты-«фенечки» моей спутницы и заломил двойную цену против обычной, но выбора особого не было. С общефизической подготовкой у наших преследователей было все в порядке и дожидаться их, отлавливая более сговорчивого извозчика нам отчего-то не улыбалось.

Остановив водилу у соседнего дома, я расплатился с благодетелем, мысленно желая ему всяческих хлопот с машиной а также частых встреч с ГАИ и, притаившись за углом, начал разведку обстановки перед собственным подъездом. Как и ожидалось, она была неблагоприятной. «Взвод почетного караула» – десятка два дворовых бабуть различных объемов и мастей – несли свою неусыпную вахту, наблюдая за подрастающим поколением, оживленно резвящимся в районе песочницы и спортплощадки. Появляться сейчас с моей новой знакомой было весьма рискованно. Особенно, принимая во внимание недавний отъезд тогда ещё не бывшей жены на базу отдыха, а также, прямо скажем, нетрадиционный вид и юный возраст сопутствующий мне молодой особы.

– Слушай меня внимательно, – я взял её за плечи и повернул к себе.

– Нет проблем! – отозвалось прелестное создание, глядя на меня своими большущими глазами со странной смесью насмешки и почтения.

– Дом напротив видишь?

– А то!

– Через пять минут после того, как я уйду, выдвигаешься туда, – произнес я, слегка морщась от новомодного молодежного жаргона. – Третий подъезд от улицы, шестой этаж, сто четвертая квартира. В дверь не звони, будет открыто. Уяснила?

– Я что по твоему – дура?! – возмутилась малолетка.

– Надеюсь нет, – криво усмехнулся я, ещё раз оглядывая вечернее платье моей будущей гостьи. Еще в тот момент, когда она его надела, этот живописный изыск можно было смело именовать криком ужаса молодежной моды, теперь же, когда он представляло из себя еле скреп-

ленные между собой неравные части, впечатление авангардности стиля усиливалось необычайно.

Конечно, я мог бы отдать ей свой пиджак, но тогда вся моя конспирация и без того шитая белыми нитками, шла насмарку.

– Постарайся пройти в подъезд как можно незаметнее, – завершил я осмотр, понимая, что репутация приличного молодого человека, заработанная годами ежедневных улыбок, приветствий и разговоров на хозяйственные темы, грозит провалиться в тартарары, со всеми вытекающими для меня последствиями. Как выяснилось много позже, «сигнал»-таки последовал и через пару лет перед разводом моя бывшая супруга помянула мне этот случай.

Но до этого было ещё далеко, а в тот день рыжеволосое существо, обойдя мои апартаменты, и потрогав висящие на стенке нунчаки, кортик и тому подобные аксессуары, констатировало:

– Клево!

– Сходи-ка лучше в спальню. Там в шкафу есть женская одежда. Найди себе какой-нибудь халатик. Попробуем отремонтировать твою хламиду.

– А ты не боишься, что я что-нибудь утащу?

– Угу. Боюсь страшно. Прятать где будешь?

– Верно.

– Кстати, звать то тебя как?

– Птаха.

– Птаха? Людское имя-то у тебя есть?

– А чего, мне и так нормально, – отзывается она, шурша одеждой в платяном шкафу.

Переодевание длилось довольно долго. Я успел сходить на кухню, поставить чайник и соорудить несколько бутербродов.

– Ну как? – услышал я голос Птахи, и в ту же секунду она возникла из коридора, одаривая меня голливудской улыбкой.

Ответить на этот вопрос можно было двояко. Честно и как подобает. Кроме тонехоньких трусиков на этой очаровательной особе была лишь портупья с пустой кобурой да черный берет, игриво натянутый поверх её рыжей гривы.

Говоря честно, вид её мне очень понравился, но положение обязывает!

– Тебе сколько лет, дитя? – с деланной суровостью спросил я.

– Скоро семнадцать, а че? – Она обвела взглядом свои уже вполне выдающиеся округлости. – Разве чего-то не хватает? – игриво поинтересовалась гостья.

– Да нет, все на месте. Форма не по уставу. Иди, приведи себя в порядок.

– Есть! – девушка поднесла к берету обе ладони, повернулась и, слегка покачивая бедрами, прошагала в спальню.

Я остался заниматься домашними добродетелями, в душе тяжело переживая потерю столь увлекательного зрелища. Вскоре маленькая обольстительница вернулась в легоньком полупрозрачном халате, развевающимся при каждом её шаге, от чего площадь тела, недосягаемая для чужих взоров была немногим больше, чем та, что закрывалась портупеей.

– Так лучше? – спросила она, перехватывая в свои руки бразды правления на кухне. Я вздохнул, в общем то признавая очевидную истину, что спасенная мною Птаха будет выглядеть эротично и вызывающе в чем угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.